

U $\frac{377}{386}$

801-88

10594-0

15236-46

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ ГОДА И ЗНАМЕНИТЪЙШЕ ПРЕДСТА- ВИТЕЛИ ПОСЛѢДНИХЪ ДВУХЪ ВѢКОВЪ

ВЪ ИСТОРИИ

ЦЕРКОВНАГО РУССКАГО ПѢСНОПѢНІЯ.

Намъ Русскимъ, и особенно Москвитчамъ, предстоитъ скоро большое празднество: празднество тѣхъ плодовъ, которые стяжала Россія изъ начинаній Петра I-го, изъ его мысли, слова и подвига. Одинъ изъ лучшихъ плодовъ этого рода, и самыхъ видныхъ, всего нагляднѣе связанныхъ съ корнемъ Петровымъ, безспорно есть наука. Но, какъ самый свѣжій плодъ и самая послѣдняя открытія науки вовсе не предполагаютъ одного только стремленія къ повизу, напротивъ, и даже чаще, возвращаютъ насъ съ благодарностью къ далекому мнувшему, къ оцѣнкѣ корня и къ постиженію перваго сѣмени: такъ и дѣло Петрово, тѣмъ лишь преимущественно и дорого, что даетъ намъ сознаніе своего древняго прошлаго, позволяетъ намъ ясно понимать всю цѣну и значеніе той жизни, изъ которой, богатой вѣками и опытомъ, какъ изъ обильнаго матеріала, творилъ и строилъ гений Великій. Какъ будто онъ оторвалъ насъ отъ почвы древней: на самомъ дѣлѣ, промежуткомъ двухъ вѣковъ и поприщемъ многоразличныхъ созданій или событій, увелъ насъ впередъ такъ далеко, что мы къ *собственной* истекшей жизни относимся уже *словно какъ древней*, что мы стали къ ней въ отношеніе предметное, обращаемся съ ней какъ предметомъ и, будучи вдали, оцутплись теперь всего къ ней ближе, съ глазу на глазъ, созерцаемъ, изучая. Отношеніе спокойное, ровное, безпристрастное,

ясное: то самое, которое допускаетъ возможность знать и соз-
нать, располагать данными и творить изъ нихъ, изучать себя
и собою, властвовать, то самое, которое рождаетъ всякую науку
и всякое искусство. Къ числу этихъ-то областей въковой Рус-
ской жизни, созрѣвшихъ до того высоко, что онѣ вновь могутъ
послужить нынѣ матеріаломъ для зданія еще высшаго, принадле-
житъ область нашего *Церковнаго Пѣнія*: основнаго—стало быть
древняго, истиннаго—то есть подлиннаго и самобытнаго, твор-
ческаго — явившаго себя въ тысячахъ произведеній и образцовъ.
Плодотворнѣйшія задачи для нашего времени: наука, постигаю-
щая наконецъ эту область до подробностей; искусство личное,
къ ней, какъ давнему роднику своему, довѣрчиво притекающее.

Послѣ митрополита Евгенія, Сахарова и Ундольскаго, мы долж-
ны здѣсь назвать тѣхъ дѣятелей, которымъ всего болѣе обя-
зана эта наука въ наши дни: кн. В. О. Одоевскаго, протоіе-
рея Дм. В. Разумовскаго и Н. М. Потулова. Первый, стар-
шій по времени и заслугамъ, первый же рѣшился оставить путь
предшественниковъ, исключительно державшихся библиографіи
или одного литературнаго подбора историческихъ данныхъ, и,
прежде своихъ сверстниковъ, обратился къ живому изслѣдо-
ванію самой *музыки*, скрытой подъ древними знаками или въ
свидѣтельствѣ уцѣлѣвшихъ памятниковъ: близкое знакомство съ
музыкою Западной и тамошнею Церковной, обладаніе средства-
ми вокальными и инструментальными (голосовъ и орудій), об-
щая высокая образованность, живость воображенія и смѣлость
догадки, теплота души впечатлительной и легко воспринимаю-
щей, наконецъ постоянный интересъ къ сравненію съ основа-
ми музыки народной-мірской, — все это дало ему возможность
оцѣнить по достоинству типы нашего Пѣнія Церковнаго, до
извѣстной степени воспроизводить ихъ въ примѣрахъ увлека-
тельнаго исполненія, намѣчать особенности и указывать свое-
образныя отличія. Какого ни будь цѣльнаго произведенія науки или
музыки изъ этой области онъ намъ не оставилъ и не могъ со-
здать, какъ предводитель энциклопедистъ: но онъ составилъ цѣ-
лую библіотеку или музей классическихъ памятниковъ сего рода,
цѣлую массу разбросанныхъ при этомъ замѣтокъ и цѣлый кругъ
живыхъ дѣятелей, имъ одушевлявшихся, отъ него поучавшихся.
Въ связи съ нимъ, но съ первыхъ же шаговъ путемъ строгой

спеціальною наукою шель Дм. В. Разумовскій и успѣлъ даже отпечатать вполнѣ трудъ свой (сперва въ «Чтеніяхъ Общества Люб. Дух. Просв.,» потомъ особю книгою «Церковное пѣніе въ Россіи,» 1867—69): расшифровалъ историческій рядъ музыкальных знаковъ начная съ самыхъ древнѣйшихъ, въ отпущеныхъ образцахъ сопоставляя ихъ и сличилъ съ потою «церковной» и общеупотребительной, фактически освѣтилъ имъ смыслъ памятниковъ и всѣхъ свидѣтельскихъ показаній; развернулъ ихъ передъ нами какъ одну книгу, чтобы читать по ней, и понимать, и пѣть, и воспроизводить въ слухъ за всю историческую нашу древность, какъ будто мы еще теперь живемъ въ ней, какъ будто никогда она не смолкала. Только развѣ современники, быть можетъ изъ уваженія къ личнымъ отношеніямъ, въ состояніи молчать объ этомъ трудѣ: за то при немъ никогда уже, скажемъ на вѣрное, не смолкнетъ самобытное пѣніе въ Русской Церкви. А чтобъ оно на практикѣ тотчасъ же воспользовалось уроками старины своей, на это положилъ всю силу своего практическаго музыкальнаго таланта Н. М. Потуловъ: какъ практикъ по преимуществу, слѣдуя направленію обратному сравнительно съ Разумовскимъ, онъ сошелся съ спмъ послѣднимъ въ точкахъ приложенія основныхъ началъ къ современной дѣйствительности. Сроднившись со всею вокальною сферой блестящей музыки Западной и самъ нѣкогда дѣйствуя въ ней исполнителемъ, онъ весь этотъ блескъ, и громъ, и раннее увлеченіе принесъ въ жертву тому строгому и серьезному типу, который встрѣтилъ на пути любопытствующаго знакомства въ нотныхъ церковныхъ книгахъ, доселѣ дѣйствующихъ на практикѣ, по Синодскимъ изданіямъ. Когда же за нимъ, трудомъ ученыхъ, вскрылся выше и глубже цѣлый міръ пѣнія основнаго и древнѣйшаго, къ которому примыкаютъ они какъ звѣно послѣднее, Потуловъ уже не безотчетно предался имъ, напротивъ, повѣряя и дополняя ихъ первичными образцами, съ другой стороны уловилъ тайну примѣненія ихъ къ теперешнему употребленію, болѣе широкому, согласно съ разившимися требованіями нынѣшняго искусства, хотя бы самаго взыскательнаго, хотя бы передъ судомъ обще-Европейской музыки. Всѣмъ памятенъ тотъ годъ, когда, въ приходской церкви протоіерея Разумовскаго, съ благословенія Митрополита Филарета

и — прибавимъ — съ одобреній присутствовавшаго кн. Одоевскаго, хоромъ Синодальныхъ Московскихъ пѣвчихъ, при разученіи и управленіи Потулова, исполненіи были пѣснопѣнія въ цѣломъ рядѣ послѣдовательныхъ церковныхъ службъ, предъ многочисленными, удивленными и умиленными слушателями. То были пѣснопѣнія собственно тѣ же, какія читаемъ мы въ изданіи Синода: по въ ихъ исполненіи мы съ отраднымъ изумленіемъ встрѣчали уже сочетавшіяся духъ отдаленной древности съ условіями текущей нашей минуты. Образцы эти оцѣнилъ строгій умъ и высокій даръ почившаго Московскаго іерарха въ его домовоіи церкви: православное чувство встрѣчало ихъ неподдѣльными слезами самого простонародья при повтореніи въ Успенскомъ Соборѣ. Съ тѣхъ поръ мы еще, слава Богу, не лишены права хотѣ по временамъ, хотѣ Великимъ Постомъ, горячо молиться ихъ душою, словами и звуками; съ тѣхъ поръ въ Москвѣ, больше и больше расширяясь по кругамъ пѣвческимъ, на всегда остались извѣстны и чтимы такъ называемыя «переложенія Потуловскія» или, правильнѣе, подлинныя образцы нашего храмоваго пѣнія въ условной ихъ гармонизаціи, какая только законна и возможна по своеобразнымъ особенностямъ нашей старины. Можно сказать: Фларетъ благословилъ, Одоевскій нанутовствовалъ, Разумовскій ввелъ насъ въ науку, Потуловъ продолжаетъ руководить на пути исполнительнаго искусства. Но, самъ продолжая практику свою постоянно оживлять изученіемъ и все шире простираясь въ него, Николай Михайловичъ до самаго послѣдняго времени не переставалъ посѣщать Западную Европу, для сравнительнаго изслѣдованія тамошней церковной музыки и особенно для сопоставленія съ православнымъ пѣніемъ Славянъ Южныхъ: монастыри, бібліотеки и живучія преданія Сербовъ, черезъ посредство его опытности, обѣщаютъ много еще обогатить или, по крайности, дополнить насъ съ этой стороны. Наконецъ, благодаря содѣйствію Московскаго Общества Древне-Русскаго Искусства, мы ожидаемъ съ нетерпѣніемъ получить скоро въ печати и заключительные плоды этого рода дѣятельности, въ простѣйшей, но вполне современной уже, грамотѣ нотной, въ первоначальномъ, но столь нужномъ для насъ, практическомъ руководствѣ, въ доступныхъ примѣрахъ, равно ругающихся и за подлинность, и за достоинство въ ны-

нѣшнемъ исполненіи. Съ тѣмъ вмѣстѣ надуть конечно тѣ фальшивыя произведенія, основанныя на музыкѣ Западной, частиѣ Нѣмецкой и Итальянской, которыхъ начало нѣкогда занесено къ намъ черезъ посредство Польши и которыхъ прискорбныя, хотя и сладкія испорченному уху, послѣдствія приходится вкушать намъ доселѣ въ кочевыхъ нѣвческихъ хорахъ Русскихъ, особенно Московскихъ, къ глубокому огорченію всѣхъ истинно-православныхъ и образованныхъ людей. Для успѣха въ этомъ дѣлѣ недостаточно уже однихъ лицъ, хотя бы научныхъ и художественныхъ, какъ недостаточно было доселѣ усилій цѣлаго Православнаго Вѣдомства и цѣлаго круга изданій Синодскихъ, нѣрѣдко остающихся книгою безъ пѣнія, или встрѣчающихся съ пѣніемъ произвольнымъ безъ всякой книги и науки, безъ всякаго канона или правила. Для рѣшенія вопросовъ *всей* Церкви необходимо извѣстная доля участія *всѣхъ* членовъ Церкви; для отравленій общественныхъ, тамъ, гдѣ они перекрещиваются съ церковными или, говоря иначе, осѣняютъ себя крестомъ и вступаютъ въ область «духовную» по преимуществу, нужно также соединеніе силъ общественныхъ, къ тому наклонныхъ, къ тому направленныхъ. Короче, для общества въ семь случаевъ потребно извѣстное представительное «Общество:» и здѣсь мы возлагаемъ надежды на учреждаемое въ Москвѣ «Общество Любителей Русскаго пѣнія ¹⁾» Уже по тому, что главный предметъ его—пѣніе народное по основнымъ началамъ своимъ вполне родственно со всякимъ самобытнымъ пѣніемъ Русскимъ, а въ томъ числѣ и духовнымъ, церковнымъ, храмовымъ; и по тому, что, при богатствѣ средствъ его, въ бібліотекѣ его и музее сосредоточится большое количество всякихъ памятниконъ нѣвческихъ, письменныхъ, печатныхъ и вещественныхъ (въ орудіяхъ и подробностяхъ обстановки), для міра не только Русскаго, но и Славянскаго, единоплеменнаго и единовѣрнаго; наконецъ по тому, что въ составъ его учредителей входятъ почти всѣ извѣстнѣйшіе представители музыкальнаго искусства, не исключая и помянутыхъ выше: по всему этому должно съ полнымъ

¹⁾ Нѣкоторыя подробности объ немъ въ „Современной Лѣтописи“ 1871 г. № 45 ноября 29.

правомъ ожидать, что, если не въ Храмовомъ (подъ вѣдѣніемъ Духовенства), то въ болѣе широкомъ церковномъ пѣніи и особенно въ духовномъ, изстарѣвшемъ и употребительномъ у нашего народа подъ именемъ «Стиховъ,» учреждаемое Общество сдѣлается посредникомъ для распространенія отчетливыхъ научныхъ понятій и для знакомства съ подлинными произведеніями Русскаго генія—между духовенствомъ и прочими членами церкви, между обществомъ и народомъ, между древностью и современностью, между законами искусства, историческими его видами и настоящею практикою. Если же присоединить сюда, въ наличной нашей Россіи, неисчерпаемые запасы уцѣлѣвшихъ письменныхъ памятниковъ подлиннаго Церковнаго Пѣнія въ книгохранилищахъ духовенства и его учреждений, въ публичныхъ и частныхъ библіотекахъ съ музеями, весь этотъ матеріалъ, столь ожидающій дыханія жизни, чтобы воскреснуть къ ней, а вокругъ высоко воздвигшіеся вопросы Церкви Православной вообще и готовность къ нимъ со стороны духовенства, все болѣе и болѣе образованнаго: тогда смѣло можно сказать, что вопросъ, насъ занимающій, рѣшенъ уже въ своемъ починѣ и обезпеченъ къ благому, безостановочному рѣшенію въ близкомъ будущемъ.

Однако, это положеніе дѣла не столько устремляетъ наши взоры къ будущему, хотя бы отрадному, сколько приглашаетъ научную пытливость прямо и искренно взглянуть въ глаза вѣковому прошедшему, столь разъясненному теперь, дабы въ немъ прочесть и назначеніе судебъ послѣдующихъ, и залогъ къ нимъ, и указанія опыта, и предостереженіе упованіямъ, и ободреніе на трудъ предстоящаго пути. Притомъ, обращаясь къ минувшей исторіи, намъ нѣтъ надобности восходить здѣсь слишкомъ далеко и высоко, въ глубь вѣковъ, достигающихъ, какъ извѣстно, и до Ярослава, и до крещенія Руси, ознаменованнаго тотчасъ же введеніемъ опредѣленнаго Церковнаго Пѣнія, и, даже еще выше, — до нашихъ учителей Грековъ съ Дамаскинымъ и до Славянъ Подунайскихъ или Задубайскихъ, сообщившихъ намъ, вмѣстѣ съ грамотою и переводами книгъ христіанскихъ, своего рода систему музыкальныхъ начертаній, терминовъ, приемовъ. По крайности семь вѣковъ длилась эта исторія, полная знаменательныхъ событій въ области, насъ занимающей, исторія и прерывная, поступательная, свидѣтельствующая объ успѣшномъ

широкомъ развитіи: ко второй половинѣ XVII вѣка завершился полный кругъ ея и, какъ сказано, мы получили съ той поры въ наслѣдство цѣлый своеобразный музыкальный міръ, который во всѣхъ отношеніяхъ имѣетъ полное право назвать совершенно Русскимъ, — не Славянскимъ уже, не Греческимъ, не просто Христіанскимъ, а именно нашимъ историческимъ дѣломъ и творчествомъ, на основѣ, преемственно къ намъ дошедшей, нами усвоенной и воспроизведенной къ оригинальному типу Русскому. А такъ какъ со словомъ «музыка» по обычаю Западному и вопреки родоначальникамъ Грекамъ, соединяютъ нынче неправильно понятіе ви́шняго грубаго «орудія (инструмента),» именно того, чего вовсе не допускала Церковь Греческая, Славянская и Русская, отдавая на служеніе Божеству только лучшей и тѣснѣе связанный съ духомъ человѣческой органъ голоса (область вокальная, которой отвѣчаетъ лишь инструментъ «духовой»): потому еще ближе, для избѣжанія недоразумѣній, помнудтый музыкальный міръ получаетъ имя «Русскаго Церковнаго Пѣснопѣнія» или просто «Пѣнія (въ отличіе отъ «Пѣснн» мірской).» Мы только желали бы при этомъ спросить: чѣмъ, если не скромностію нашего духовенства и не равнодушіемъ другихъ членовъ церкви, можно объяснить эту видимую странность, — никогда и никому еще доселѣ, ни въ нашъ вѣкъ, знающій цѣну торжествамъ историческимъ, не пришло въ мысль превность *праздновать церковнымъ праздникомъ одно изъ величайшихъ дѣлъ Русской Церкви*, семивѣковое твореніе ея высокаго пѣснопѣческаго творчества?! На это впрочемъ есть своя уважительная причина. Тогда какъ богатая разнообразными явленіями типическаго творчества, послѣдовательная, но безмятежная, и безмятежная въ силу именно непрерывной творческой послѣдовательности, исторія Церковнаго Пѣснопѣнія совершалась и завершилась сама собою и сама въ себѣ, на прямыхъ основахъ своего развитія, — со второй половины XVII вѣка оказался въ ней поворотъ и даже переворотъ, вскрылись невѣданныя прежде стихіи борьбы, явились вліянія стороннія, вступили на сцену событія небывалыя. Между тѣмъ, громъ и блескъ тогда же разыгравшихся переворотовъ государственныхъ, общественныхъ и народныхъ заглушялъ, отвелъ на дальній планъ и въ густую тѣнь впутрепнѣйшія явленія области Церковной, а тѣмъ болѣе ея Пѣснопѣ-

ній, испытавшихъ на себѣ одинаковую участь общихъ потрясеній эпохи: вспомнимъ, тогда вступало время Петрово, тогда выступала Новая Россія. Итакъ, подобно другимъ историческимъ сторонамъ Русской жизни, и съ этой нашей стороны мы непременно встрѣчаемъ предъ собою имя и дѣло *Петра*: какъ будто имъ перервалось дѣло прежнее, какъ будто и въ исторіи Пѣнопѣнія Церковнаго остается намъ впечатлѣніе какого-то «перерыва» или, по крайности, наступившаго чего-то совершенно новаго. И вотъ естественная разгадка забвенію, особенно при незнаніи: къ чему и что торжествовать, когда слѣдуетъ забыть и живемъ мы совсѣмъ другою жизнью? Но — точно ли это такъ, и былъ ли тутъ дѣйствительный перерывъ, и какой смыслъ его, и каково здѣсь участіе дѣяній Петровыхъ, и, напротивъ, не ихъ ли память именно всего болѣе придаетъ побужденій для настоящаго торжества Церкви,—вотъ задача нашего краткаго очерка.

Возьмемъ занимающій насъ міръ въ томъ видѣ, какъ завершился онъ ко второй половинѣ XVII вѣка и назовемъ его сравнительно *древнимъ* или нашею *древностью*. — Церковное Пѣніе или Пѣнопѣніе для насъ нынче то же, что *Храмовое*, слышимое и употребительное въ храмѣ или изъ храма выносимое: для древности это было только часть, высшая и опредѣленнѣйшая часть общаго пѣнія *Духовнаго*, въ его отличіи отъ «мірскаго» или «свѣтскаго.» Духовное обнимало собою: 1) пѣніе *во Храмѣ*, главною по тексту и содержанію своему, по отношенію къ службѣ святой и по мѣсту употребленія, а вмѣстѣ—повторяемъ—опредѣленнѣйшее, ибо основывалось, и держалось, и развивалось на документальной исторіи, на письмѣ, книгахъ, письменныхъ знакахъ, ученіи, преданіи, школѣ, прпчтѣ, клирѣ и клиросѣ; 2) пѣніе *Церковное* въ смыслѣ болѣе обширномъ, принадлежавшее всѣмъ членамъ Церкви, которые только пѣли или могли пѣть при вопросахъ и событіяхъ Церкви внѣ Храма, лишь бы въ объемѣ церковной сущности, церковнымъ словомъ и напѣвомъ. Трудно услѣдить до подробностей соотношеніе того и другаго отдѣла, какъ между всякимъ учрежденіемъ, хотя бы съ такимъ всеобъемлющимъ знаніемъ, какъ храмъ, и между теченіемъ самой жизни, хотя бы учреждаемой. Причетъ и клиросъ выходилъ изъ Храма для служенія и участія среди житейскихъ событій, въ средѣ членовъ Церкви, къ рожденію, крестинамъ, свадьбѣ, похоронамъ,

со всякою святыней, молебномъ, для торжествъ въ широкомъ смыслѣ, публичныхъ и на открытомъ воздухѣ; сюда же возвращался и народъ, затвердивши пѣспопѣнія храмовыя, въ которыхъ онъ участвовалъ всегда поспѣльно кромѣ клироса: и на оборотъ, весь народъ также точно вступалъ во храмъ съ нуждами и привычками семейными, общественными, государственными, со всеѣмъ тѣмъ, что видопзмѣняло его отъ клироса и причта мыслью, чувствомъ, словомъ, голосомъ, напѣвомъ, а хоры изъ прихожанъ и частныхъ мірскихъ людей достигали въ самомъ храмѣ до клироса и до аялаю. Знаемъ только на вѣрное, что кромѣ причта и клироса хоры «для церковныхъ пѣснопѣній» имѣла и содержала почти каждая сколько нибудь крупная единица нашей древней жизни, — приходъ, волость, городъ, войско, большой домъ, зажиточное семейство, богатый или знатный человѣкъ; въ XVII вѣкѣ, въ Московскомъ государствѣ, не только самъ царь, но и все почти члены царской семьи и сколько ни будь представительныя лица имѣли у себя по особому хору сего рода пѣвчихъ, казалось бы не нужныхъ при одномъ храмовомъ пѣніи, еслибы не было для нихъ болѣе широкихъ задачъ церковной жизни; то же наблюдалось до нашихъ дней у многихъ помѣщиковъ по усадьбамъ, и доселѣ ведется, хотя «на произволящаго,» по нѣкоторымъ приходамъ или держится при большихъ купеческихъ, даже крестьянскихъ домахъ, не смотря на то, что и въ храмѣ есть опредѣленные пѣвцы, и властію признанные для храма пѣвчіе, и хоры вольнопаемныя для всеѣхъ. Разумѣется, такія крупныя и долговременныя явленія могли быть вызваны только существенною, жизненною потребностью цѣлой Церкви. Знаемъ также, что въ этомъ вообще глубокое наше отличіе отъ церкви Западной, и особенно главной — Католической, гдѣ по принципу немислимъ, кромѣ храмоваго, какой ни будь другой церковный хоръ, развѣ уже для свѣтскаго пѣнія или повременному найму свѣтскихъ пѣвцовъ для главныхъ торжествъ храма. Важнѣйшимъ слѣдствіемъ этого было то, что нашимъ церковнымъ хорамъ въ пѣснопѣніяхъ не требовалось «измышлять» себѣ текста, слова, напѣва, другаго, кромѣ «церковнаго» же, столь тѣсно связаннаго съ регулирующимъ храмовымъ: совсѣмъ не то, чѣмъ у католиковъ, гдѣ надъ сочиненіемъ пѣснопѣній, уже не храмовыхъ и даже не именуемыхъ церковными, а между тѣмъ все-таки практикуемыхъ «це

признанными» членами Церкви, мірянами, ей только «принадлежащими» потрудились тысячи ученых, поэтов и музыкантов; гдѣ, съ теченіемъ времени, Церковь - духовенство, по неволѣ уступивши, допустило какъ бы «ворваться» въ храмъ этой «толпѣ» съ тетрадьками, книжками и партитурами, чтобы распѣвать «дополнительно» внѣ «основнаго» Богослуженія; гдѣ наконецъ Протестантизмъ и вовсе осилплъ; поставивши эту область въ совершенную уже независимость, переведя Богослуженіе просто въ Молитву всѣхъ и каждаго, въ чтеніе и пѣніе по любой печатной книжкѣ, болѣе или менѣе удачной или принаровленной. Конечно, и у насъ перевѣсъ господствующаго типа оставался за пѣніемъ Храмовымъ или клировымъ; и у насъ, нужно прибавить, особенный вѣсъ ему придадо Духовенство, преимущественно, когда оно болѣе и болѣе взяло подъ покровъ свой примѣненіе охранительныхъ началъ Церкви, являясь ей представителемъ и представительное свое значеніе развивши до патриаршества, столь сильнаго и могущаго, какимъ оно явилось къ половинѣ XVII вѣка (мы увидимъ еще, какой поворотъ дѣлу сообщило само патриаршество, достигши такого величія, именно съ вершины и въ слѣдствіе силы почти исключительной). Постепенно, къ завершенію древняго періода, Церковное Пѣснопѣніе обратилось въ дѣло Духовенства и симъ послѣднимъ всего больше соблюденъ здѣсь господствующій типъ, условленный Храмомъ и Богослуженіемъ. Тѣмъ не менѣе, пока до этого не дошло и симъ не завершилось, мы должны признать начало, практикованное во всей предыдущей исторіи Церковнаго Пѣснопѣнія, началомъ жизненнымъ, началомъ именно движенія и развитія, какое только возможно—въ ширь, и въ глубь, и по частямъ — въ нѣдрѣ Церкви на ея непреложныхъ основахъ. Отсюда же, изъ сего припотекущаго источника, привлекли въ храмъ и на клиръ: въ книги—Русскія своеобразныя начертанія грамоты, въ языкъ книгъ — особенности языка Русскаго, въ пѣнь — отличія, создавшія пѣніе прямо Русское, въ науку пѣнія — обработка разнообразныхъ школъ мѣстныхъ и частныхъ, въ самыя «знамена» въ знаки потные, черты исключительно Русскія, отличныя отъ Греческихъ и Юго-Славянскихъ, свои «номѣты» по Русской азбукѣ, свои термны и объясненія на ходячемъ языкѣ Русскомъ, свои «разводы» варіаціи и уклоненія, нерѣдко совпадающія даже съ мірскими-народными.

Довольно сказать, что внѣ Храма и участія Духовенства, внѣ Богослуженія собственнаго и всякаго служенія Церковнаго гдѣ бы то ни было, до сихъ поръ удержались въ народѣ самомъ простомъ, и дошли до насъ, пѣснопѣнія именно этого «рода», но въ образцѣ «измѣщенномъ», по предмету и примѣненію, по тексту, языку, слову, напѣву. Образцы эти на лицо не многочисленны и не могли быть многочисленны въ древности, по причинамъ, выше изложеннымъ, по той живой связи, которая условливала собою не раздѣленіе, а именно скорѣе слияніе области храмовой и клировой съ общою церковною: но они все-таки служатъ для насъ памятникомъ извѣстной церковной «свободы», которую разсчитано выставляемъ здѣсь на видъ въ отличіе отъ помнятутой Католической «необходимости» и Протестантскаго «произвола.» Тамъ образовано два лагеря, съ промежуточнымъ поприщемъ для борьбы, или же развитіемъ частныхъ образцовъ подорвана на всегда основа единого и цѣлаго господствующаго типа пѣснопѣній церковныхъ: у насъ напротивъ плодъ этой силы развитія оказался не въ представительныхъ дробныхъ образцахъ успѣха личнаго, а въ томъ, что прадревняя основа Церковная трудомъ вѣковъ обращена въ твореніе чисто-Русское, если не «Народное», которое отличимъ ниже, то, скажемъ такъ, въ «Національно-Церковное.» И здѣсь-то, можетъ статья, лежитъ тайна проявленія «общаго» Христіанства и «единой» Церкви въ образѣ «церквей пѣсколькихъ», отличаеваемыхъ именемъ, временемъ, мѣстомъ, учрежденіемъ, а съ этимъ вмѣстѣ воплощеніе церковной жизни въ той или другой національности, такъ что въ наше время явилось соединеніе по видимому несовмѣстныхъ понятій — «національная церковь.» Какъ бы то ни было, только изъ этого труднаго вопроса наша древняя Церковь вышла побѣдоносно въ дѣлѣ своихъ Пѣснопѣній, а простой народъ отличилъ ихъ доселѣ именованіемъ *Божественныхъ*, *Церковныхъ* или, коротче, *Стихирь*.

Но здѣсь же, въ этой относительной свободѣ, лежалъ путь для сближенія «Церковнаго» съ «Народнымъ», «Храмоваго» съ «Домашнимъ»: посредствующимъ звѣномъ явились *Стихи*, такъ называемые постоянно доселѣ и строго всегда отличавшіеся отъ «Пѣсней», то есть произведеній чисто-народныхъ съ ихъ разными отдѣлами и названіями; кромѣ того Стихи непре-

мѣнно — содержанія *духовнаго*, отнюдь не храмоваго и рѣже церковнаго въ значеніи помянутомъ, а если народнаго, то никакъ не пѣсеннаго—свѣтскаго или мірскаго, во всякомъ случаѣ нравственнаго и чѣмъ либо ближе прикосновеннаго къ области христіанскаго «духа.» Такимъ образомъ это *третій* отдѣлъ того же общаго пѣнія *Духовнаго*, если и связанный съ Церковнымъ, то по другую сторону столько же съ Народнымъ, но и отличный отъ сего послѣдняго, какъ не отъ міра и свѣта, а отъ духа. Если мы желаемъ уловить самыя первыя черты его происхожденія, то мы должны отдѣлиться отъ представленій созданнаго Храма, учрежденной Церкви и даже самаго общаго Христіанства, а по мѣрѣ сего взойти до той эпохи, основою которой была какая бы то ни была «вѣра,» какъ существенная потребность духа, вѣра же вырабатывалась по языкамъ и народамъ вмѣстѣ съ ними: то есть, короче, взойти ко временамъ язычества, хотя бы—и непременно—вѣрующаго. Слѣды и воздѣйствія этой эпохи, чрезъ которую прошло все человѣчество и которой не миновалъ никакой народъ, хотя бы послѣ христіаннѣйшей и церковнѣйшей, проникли, какъ извѣстно, нѣ только въ Церковь Вѣхозавѣтную у Евреевъ, но и въ первое Христіанство, всего важнѣе у Грековъ, а всего ближе къ намъ—въ Церковь Православную у крестившихся Русскихъ: вотъ почему, на извѣстную долю, слѣды языческіе отозвались такъ ярко во всѣхъ произведеніяхъ этого рода, Стихахъ древнѣйшихъ и нашихъ. Вотъ почему у самихъ себя имѣли мы и имѣемъ, на примѣръ, Стихъ «Еврейскій» или «Ерусалимскій,» Стихъ «Цареградскій,» «Славянскій,» послѣ «Русскій;» то въ первобытномъ видѣ своемъ едва лишь только проникнутый самыми общими началами Христіанства, то уже связанный съ понятіями Церкви, то принадлежащій извѣстной Церкви мѣстной или племенной, на примѣръ Русской, то даже посвященный одному какому ни будь Храму, Иконѣ; то повѣствующій о цѣломъ явленіи міровомъ (космическомъ), то о крупномъ событіи Христіанскомъ или Церковномъ, то объ отдѣльномъ Святомъ или каждомъ знаменіи священномъ (чудѣ), то о всякомъ знаменательномъ случаѣ народномъ и личномъ, примыкающемъ къ области вѣры и условленной ею нравственности духа. Языкъ и народъ, первоначально одно и то же, единствомъ своимъ и связію сдѣлали то, что «языческое» смѣнилось

здѣсь имеемъ и понятіемъ «народнаго,» хотя уже въ смыслѣ, который далеко ушелъ отъ «язычества,» а когда народная жизнь въ своемъ теченіи развила изъ себя и государство, и общество, и быть домашній-семейный среди новой гражданской обстановки, и наконецъ высвободила самую личность человѣка,—по мѣрѣ всего этого Стихъ являлся у насъ выразителемъ и государственной ступени, былъ свой и для воиска, и при общественномъ публичномъ проявленіи жизни, и для домашняго обихода, и даже удѣломъ лица, сколько ни будь народнаго. Отъ того и пѣніе Стиха, съ его словомъ, складомъ, размѣромъ, голосомъ, напѣвомъ и всею музыкой, то отзывается замѣтнымъ элементомъ въ составѣ самыхъ древнихъ пѣснопѣній Христіанскихъ, то, по утвержденіи Христіанства, стоя въ сторонѣ, рождался однако же съ пѣснопѣніемъ Церковнымъ вообще, не поддается регулирующему канону Храма или съ нимъ спорить, а иногда хранитъ въ себѣ отличія языческія, не принятыя въ Церковь, и сливается съ преемникомъ язычества—пѣніемъ чисто-народнымъ. Такимъ важнымъ элементомъ въ области пѣнія никогда и никто изъ образованныхъ знатоковъ не отваживался пренебрегать: въ сопоставленіи съ самыми священными явленіями и опредѣленнѣйшими правилами искусства, онъ часто заявляетъ въ себѣ сравнительно-глубочайшую древность, и, связуясь съ другими областями, берегаетъ въ себѣ то, что имъ послѣдовательно утрачивается, а въ самой случайной новизнѣ своей или кажущейся неправильности даетъ все-таки объясненіе попеременному вліянію Храма на Церковь, Церкви на Народъ и обратно; съ этой стороны, какъ посредникъ осязательный, видный и слышимый, между вѣрою и міромъ, словомъ и писмомъ, звуками и нотой, стихирою и пѣсней чисто-народною, онъ даже важнѣе иногда сей послѣдней. — Въ исторіи нашего Духовнаго пѣснотворчества *Стихи* представляютъ два главныхъ и крупныхъ отдѣла, наиболѣе успѣвшихъ развиваться и тѣсно примыкающихъ къ двумъ вышепомянутымъ: 3) *Стихи Общественныя*, исполняемые «публично,» на всемъ народѣ обществомъ и на открытомъ воздухѣ подъ небомъ; 4) *Стихи Домашніе* или *Семейныя*, огражденные стѣнами жилища и предѣлами семьи. — Первые, несомнѣнно со времени языческихъ, а ужь подавно христіанскихъ, имѣли у Славянъ и у насъ въ

особенности носителей, исполнителей и пѣвцовъ «постоянныхъ, неизмѣнныхъ, присяжныхъ и однообразныхъ,» извѣстныхъ по крайности подъ двумя стами разныхъ именъ (столь распространено было явленіе), а пѣзъ именъ наиболѣе употребительны были и отчасти остались доселѣ: «Калѣки Перехожіе, Старцы—Старчица (хотя часто и молодые), Странные—Странички — Пилигримы — Пилигримица — Паломники — Прохожіе — Путники, Слѣпцы (хотя въ числѣ ихъ бывали и зрячіе), Убогіе — Каженики—Болги—Недугіе—Недужные—Недолуги — Костоломы (хотя между ними находились ребята самые здоровые), Нищіе — Бѣдные (хотя имѣли свой домъ и по большей части были зажиточны сравнительно съ прочею нищею массою народа), и т. п. Ходили (какъ ходятъ частію до сихъ поръ) обыкновеннѣе по двое (чаще теноръ и басъ) съ подголоскомъ — мальчикомъ повадыремъ (чаще альтомъ), а равно съ отличіемъ уже «народнымъ,» не допускавшимъ въ хорахъ храмовыхъ и церковныхъ, — съ жепщиною (по большей части дискантомъ, дополнявшимъ альтъ мальчика); при извѣстныхъ случаяхъ соединялись въ «хоръ» или «кругъ,» и тогда достигали любимаго у насъ крупнаго числа, — «сорокъ,» соотвѣтственно «сорокамъ» церковнымъ и при разныхъ обрядахъ («сорокъ каликъ:» «со каликою» — какъ сто одинъ выстрѣлъ и подобный обычай, дававшій знать прибавкою «одного» лишняго, что число не закончено и можетъ повториться). Все ихъ призваніе, назначеніе, урокъ жизни, завѣтъ предковъ, достоиніе и отличіе было — творчество народно-духовное или Стихъ: творить его, еще болѣе хранишь сотворенное, разнесить, пѣть, этимъ только питаться и этимъ жить; сохрани Богъ было запѣтъ «Пѣсню,» народную — мірскую, которая осквернила бы ихъ уста и служеніе: на то были соотвѣтственные имъ, совсѣмъ другіе, для Былинъ или Эпоса, столь же присяжные Пѣвцы, Старцы же и Слѣпые, сохранившіеся всего дольше въ Юго-западной Россіи, но на Сѣверѣ рано угасшіе или перешедшіе въ другія сочетанія и слившіеся съ народною массою. Но какъ эти послѣдніе отданы были «Пѣснѣ» начиная съ Былны, такъ пѣвцы Стиховъ, ихъ пережившіе и смѣнившіе съ XIII—XIV вѣка, отличались еще тѣмъ, что, согласно храмовому и церковному правилу, гнушались всякимъ орудіемъ виѣшнимъ или инструмен-

томъ, который сопровождалъ непремѣнно пѣвца мірскаго (и только опять въ Западной Россіи, по вліянію Запада, о которомъ скажемъ еще ниже, привилась къ нимъ «лира,» отличная впрочемъ отъ мірскаго кобзы ѿ бандуры: «лыринки» или «рыльнички»). Пѣли они главнымъ образомъ въ праздники, общій, мѣстный или приходскій, при святилищахъ и святыняхъ, монастыряхъ, храмахъ, собиравшихъ толпу поклонниковъ: внѣ храма и при его порогѣ, собственно между храмомъ или церковью и остальнымъ народомъ; тотчасъ послѣ Богослуженія, между ними съ одной стороны и съ другой между ярмаркою, торгомъ и народнымъ хороводомъ, въ слѣдъ за тѣмъ начинавшимся; но, когда началось пѣніе мірскаго, Стихи уже смолкали. А за тѣмъ пѣли, буднично, по пути къ святымъ мѣстамъ или на возвратѣ, вдоль улицы и подъ окнами, рѣже—въ особыхъ случаяхъ—зазываемые на домъ (тогда какъ мірскіе шли прямо въ хоромы и палаты, въ слѣдъ за храмовымъ и церковнымъ). Стихи были Міровые (Космологическіе и Космогоническіе), Былевые (о событіяхъ Церкви, Святыхъ, Праздникахъ), Библейскіе, Евангельскіе, Заповѣдныя—Переходныя — Хожденія (о чудесахъ, знаменіяхъ, явленіяхъ и т. п., начиная съ глубокой древности), Учительныя, Покаянныя, Душеполезныя, Умпленные, Моленные и т. п. (послѣдніе переходили уже къ «Домашнимъ»). Общій характеръ содержанія, какъ сказано, переходилъ отъ опредѣленнаго понятія, утверждавшагося въ Храмѣ и при Богослуженіи, къ общимъ воззрѣніямъ Церкви или особенностямъ церкви мѣстной, отсюда къ древнѣйшимъ представленіямъ Христіанскимъ, къ началамъ Вѣры и даже вѣры Языческой, а отъ нея спускался снова ко всему міровоззрѣнію и творческому образу Народному. Языкъ представлялъ, какъ представляетъ доселѣ, середину между письменнымъ-книжнымъ и устнымъ, между храмовымъ-церковнымъ и народнымъ, между Церковно-Славянскимъ (даже Греческимъ) и чисто-Русскимъ. Складъ и размѣръ народный, но порою древнѣе многихъ мірскихъ Быльей. Напѣвъ, также срединный, безъ поддержки инструмента и какихъ-либо письменныхъ знаковъ, долженъ былъ падать и разлагаться, но, такъ какъ въ то же время одною старою держался церкви и несъ ея вліяніе съ самыхъ раннихъ поръ, а по шпротѣ своей явленіе это дожило даже до насъ, — по этому напѣвъ и весь способъ

пѣнія, при нѣкоторыхъ воздѣйствіяхъ народныхъ отзывается не только типомъ Церковнымъ и Храмовымъ, но даже пополняетъ его, разясняетъ, а не рѣдко образцами своими возводитъ къ тому началу, гдѣ Церковное сближалось еще съ Народнымъ, и Народнымъ въ зернѣ — то есть Языческимъ. Даже въ нынѣшнемъ устномъ пѣніи Стиховъ не рѣдко слышимъ такія мѣста, такіе приемы, обороты и переходы, которые чужды остальному пѣнію Народному мірскому, не вошли въ наше употребленіе Церковное, не попали въ книги Храмовыя, а заняты нѣкогда изъ общенія съ Греками, приняты и развиты на Западѣ тамошними Церковными музыкантами (на примѣръ пѣвья при Крестѣ о Распятіи, о Страшномъ Судѣ и т. п.). Явленіе это во всѣхъ главныхъ своихъ отличіяхъ дожило, повторяемъ, отчасти до нашихъ дней: съ XVII вѣка начали записывать изъ устъ цѣлкомъ текстъ и даже звуки на нотахъ; современные археологи слова и звука устремлены къ сему съ самымъ серьезнымъ вниманіемъ. Въ старину же еще болѣе: въ мірѣ народномъ это былъ цѣлый особый міръ, равновѣсный и параллельный тому, чтѣ, при самомъ началѣ нашей исторіи, знаемъ мы въ другой половинѣ подъ именемъ Богатырства (вѣка героическаго), Эпоса, Быльня, мірскихъ Былевыхъ слагателей и пѣвцовъ; сами богатыри-герои наши, даже съ историческими именами, въ силу претерпѣнныхъ несчастій и превратностей свѣта или же чаще подъ старость, слагали военные доспѣхи, снимали гусли, замолкали для мірской пѣсни и обращались въ Старцевъ Перехожихъ съ областью ихъ Стиховъ. Когда въ XIII и XIV вѣкѣ первоначальный порядокъ вещей смѣнился инымъ, Калѣки Перехожіе пережили его, замѣнили мірскихъ соперниковъ собою, примѣнились къ порядку новому, или, лучше къ тому, въ которомъ самъ народъ примѣнялся отчасти къ остаткамъ прежнихъ государственныхъ учрежденій, отчасти къ началамъ обновляемаго бытія политическаго. При Князьяхъ Удѣльныхъ они удержались и получили случай вооплѣнить Стихомъ ихъ мученическіе подвиги или святость, монастыри и церкви, ими основанныя, иконы и знаменія чтимыя; въ Новгородѣ издревле составляли особую городскую «сотню («сто»);» въ другихъ, старыхъ же городахъ, занимали «слободу» или «улицу;» послѣ Богослуженія и Храма предназначали сходки всякихъ «братчинъ,» торжества

праздниковъ и общественныхъ обрядовъ; въ Западной Россіи, подъ государственной властью Литвы и Польши, въ цѣховомъ устройствѣ по образцу Западному, долго составляли по городамъ особый «Старечій цѣхъ,» сословіе «Дѣдовъ» или «Дядовъ.» Когда возвысилось государство Московское, власть государственная собирала, какъ извѣстно, къ средоточію и столицѣ не только удѣлы, княженія, области, права, войско и регалии, но и святыни мѣстныя изъ мѣстъ облегающихъ, и все крупныя явленія или памятники жизни народной: она не могла не оцѣнить описаннаго нами могущественнаго орудія для посредства между жизнью церковною и народною, между храмомъ и домомъ. «Старцы» получили признаніе официальное — по обычаю Московскому, опредѣленное «мѣсто,» куда примыкали на «службѣ,» частное именованіе «Соборныхъ (особенно при Московскихъ Соборахъ)» и государево «жалованье.» Алексѣй Михайловичъ документально ихъ поддерживалъ, кормилъ, жаловалъ, приглашалъ къ себѣ по Богослуженію, выслушивалъ. Тѣмъ болѣе наша церковь въ смыслѣ представительнаго ея Духовенства. Самые первые «Уставы» поснѣнили отнести нашихъ дѣятелей, о коихъ повѣствуемъ, къ людямъ «церковнымъ,» взявши ихъ подъ опеку и управленіе церковнаго «суда.» «Школы,» которыя несомнѣнно у нихъ имѣлись, не въ смыслѣ конечно зданія съ вывѣской, а въ смыслѣ обученія предмету и подготовки людей для извѣстнаго опредѣленнаго дѣла, стали также подъ присмотръ духовенства. Когда же дѣятели переходили слишкомъ уже «расходился,» пользуясь льготою церковнаго суда и управленія, особенно по поводу разныихъ «знаменій,» а всего болѣе отъ образа «Пятицы,» доводя своихъ адентовъ, преимущественно женщинъ, вмѣсто вѣры до фанатическаго пѣступленія, а безкорыстное служеніе убожества своего обращая въ промыселъ постыднаго нищенпитательства, — извѣстный соборъ, повѣствующій намъ Стоглавомъ, обратилъ сюда самое пристальное вниманіе, живописалъ явленіе во всей его яркости, принялъ мѣры, чтобы положить ему снова мѣру и границу, остановился особенно на водвореніи и приютѣ всехъ этихъ разбродившихся силъ въ «Богадѣленныхъ» и «Убогихъ домахъ,» по приходскимъ общинамъ, въ завѣдываніи особыхъ «старость» (къ совершенно-параллельному

явленію привѣдена была и Православная, Уніатская, наконецъ Католическая церковь въ нашей Западной Россіи, когда практиковала богадѣленное устройство такъ называемыхъ нынѣ, отчасти уцѣлѣвшихъ, «кобцельныхъ дядовъ» по нашему Старцевъ церковныхъ или Соборныхъ, ибо они и тамъ всего обильнѣе были при «каедрахъ»). Устройство это получило самую представительную форму въ поминутыхъ Соборныхъ Старцахъ при Соборахъ Московскихъ: патриархи до Никона, а отчасти и послѣ него, соревновали здѣсь государю опекою, поддержкою, жалованьемъ, внимательнымъ слухомъ къ Стиху. Наконецъ наши сознательные церковные музыканты, какъ увидимъ, въ XVII вѣкѣ успѣшили захватить остатки этаго Московскаго явленія въ свои рукописи, записанныя изъ устъ со словъ и потою со звуковъ²⁾.—Что касается до четвертаго отдѣла въ пѣніи Духовномъ, пѣнія *Домашняго* или *Семейнаго*, то оно питалось такими же Стихами, начинаясь тѣми, которыми кончалось Общественное, — Умиленными, Душеполезными и т. д. (нравственными), а въ постепенномъ развитіи отвѣчая всеѣмъ событіямъ семейнымъ или частнымъ, вызывавшимъ духовное нравственное настроеніе, или что то же, передавая чувство свое и умиленіе душевное повѣстью Стиха. Оно отвѣчаетъ тому народному мірскому отдѣлу пѣсней, который изъ Былны сдѣлалъ Старину, изъ Сказанія Сказку, изъ Былевой пѣсни Бытовую, создалъ всю массу такъ называемыхъ пѣсней «Женскихъ», усвоилъ и удержалъ пѣсни Дѣтскія, руководилъ всею «лирикой.» Но отъ Пѣсней мірскихъ оно отличалось опять тѣмъ, что исключительно въ извѣстное время и при извѣстной обстановкѣ держалось Стиха: Домашній Стихъ наступалъ тогда, когда смолкала Пѣсня, именно подъ праздники, постами и особенно въ теченіе всего Великаго Поста. А вмѣстѣ, такъ какъ оно было въ особенномъ, если не исключительномъ завѣдываніи женщинъ, равно какъ подроставшихъ при нихъ дѣтей,

²⁾ Подробности объ этомъ въ нашихъ изданіяхъ, особенно такъ названномъ— „Калѣки Перехожіе (6 выпусковъ съ рисунками и потоми):“ не можемъ только не выразить сожалѣнія и удивленія, что, судя по всему, нынѣшнее духовенство вовсе почти не знакомо съ этимъ дѣломъ и оно безвѣстно даже изслѣдователямъ Церковнаго Пѣнія, тогда какъ послѣдніе нашли бы себѣ столько поучительнаго и разъясняющаго.

то оно еще болѣе переходило къ области чисто-народной, чуть замѣтными колебаніями почти сливаясь съ нею: это была своего рода домашняя церковь, храмъ хоромъ, вѣра внутренняго очага. Можно сказать съ увѣренностью, что каждый порядочный домъ нашей древности въ той или другой мѣрѣ обладалъ этимъ сокровищемъ; многія наши историческія княгини, княжны и боярыни въ письменности, а святые въ житіяхъ, говорятъ явно Стихомъ или по Стиху; изъ семьи государевой мы знаемъ представительницъ этого рода отъ Ксеніи Годуновой до Евдокіи Лопухиной; когда женщины получили своего рода общинъ внѣ семьи, въ мастерскихъ и на заводахъ мы знаемъ до послѣдняго времени тотъ же обычай Стиховъ Великопостныхъ; семьи старообрядцевъ всего шире и дольше удержали его до нашихъ дней, о чемъ еще скажемъ. Рано попали эти Стихи въ рукопись³⁾: тѣмъ самымъ, отъ слишкомъ частаго употребленія и параллельно такъ называемымъ «Пѣсенникамъ» мірскимъ, рукописи и книжки истрепались и истребились, а для мужчинъ и общаго употребленія съ конца XVII вѣка смѣнились заносными чужими, о которыхъ помянемъ ниже. Духовенство «бѣлое» подверглось сему же послѣднему искушенію: «черное» и власти меньше имѣли отношеній къ дому и семьѣ. Тѣмъ не менѣе, въ пору перваго яркаго сознанія, въ половинѣ XVII вѣка, дѣятели и знатоки музыки духовной обратили и сюда пристальный взоръ свой: записывали, передѣлывали, упорядочивали, приближая ибнѣе къ церковному.

Такова вся эта полнота нашего Пѣснопѣнія «Духовнаго» въ древности: ей конечно отвѣчала полнота духовной жизни, служившая и вызовомъ, и отраженіемъ, и причиною, и послѣдствіемъ уцѣлѣвшихъ произведеній творческихъ. Не говоря о причинѣ и не дѣлая выводовъ, желаемъ только и просимъ на минуту оглянуться вокругъ себя: нѣтъ ли основаній пожалѣть объ утраченномъ, нѣтъ ли еще силъ пробудить заснувшее? По крайности, нѣтъ ли повода вспомнить, вспоминая торжествовать, торжествуя воскрешать вѣкъ, годы и часы, когда весь этотъ міръ завершился

³⁾ Къ числу ихъ, обдѣланныхъ по книжному, нужно отнести упоминаемые при гребняхъ Кипріяна и Макарія «мірстія псалми.»

ся въ кругѣ своего развитія и пришелъ къ сознанию? Воскрешаемое сознание не въ силахъ ли воскресить насъ самихъ и въ насъ самихъ воскресить силы? Есть перерывы въ бытїи: духъ и вѣтъ въ сознани бытїя, а сознание — самый спѣльный двигатель для бытїя въ наше время.—Но, постепенно мы перешли ближе и ближе къ пѣнію Народному, или, въ противоположность духовнаго, къ пѣнію чисто-народному. Объ немъ слѣдуетъ сказать два слова, хотя бы для отличїя.

Народное пѣніе въ его чистотѣ, отличаемое нами какъ Пѣсня, произведеніе мірскаго или свѣтскаго творчества, съ многочисленными его видами и отдѣлами, въ первобытныхъ и глубочайшихъ основанїяхъ своихъ, по времени и сущности, собственно одинаково съ Духовнымъ, даже Церковнымъ и Храмовымъ: доказательствомъ доселѣ однородность основной гаммы, въ употребленїи одинаковый унисонъ (единогласіе, одноголосность), одинакія условїя для существующей при немъ гармонизаціи и партитуры (распредѣленїя голосовъ), природной, творческой, первобытной свободной. Отъ того для пѣнїя Христіанскаго, усвоеннаго Церковью и окрѣпшаго въ Храмѣ, первобытно, а особенно въ Греціи, послужило основою и началомъ, хотя избранное и тѣмъ самымъ изящное, но то же пѣніе народное. Въ Греціи и подпадала эта область вліянію разныхъ періодовъ народности, сперва Эллинской языческой, потомъ Византійской, болѣе или менѣе смѣшанной, отчасти первобытной Славянской, позднѣйшей Малоазійской и даже замѣтно Турецкой. У насъ, если Церковное и Храмовое пѣніе сдѣлалось съ теченїемъ времени, какъ сказано, не Греческимъ и Юго-Славянскимъ, а чисто-Русскимъ, то это по тому лишь и отъ того именно, что рядомъ, обокъ и постоянно шло пѣніе Народное, вліявшее со стороны своей на установку типа Русскаго: и на оборотъ, отъ того же, на примѣръ, не работало своего самобытнаго типа Церковное пѣніе Руси Западной, особенно Бѣлой, при подавленномъ или отслопешномъ вліяніи народномъ, а Кіевское отчасти прїобрѣло мѣстныя отличїя благодаря нахлынувшему народному ивнїю племени Малорусскаго, всего болѣе съ XVI вѣка и въ XVII-мъ. Какъ рѣзкій образецъ мы можемъ указать на то, что канопъ Пасхи (а по его вліянію послѣдовательно и Рождественскій, чѣмъ ближе къ нашимъ днямъ, тѣмъ болѣе), извѣстно, не идетъ по Церковному,

Храмовому, и книжно-потному гласу, напротивъ совершенно народнымъ знакомымъ напѣвомъ, даже Дѣтскимъ по употребленію дѣтей: всего больше народъ стремится къ этому празднику, всего тѣснѣе наполняетъ тогда храмъ, всего чаще массами становится на клиросъ или подпѣваетъ всюю толпою молящихся, всего полнѣе бываетъ проникнуть въ эти минуты дѣтскимъ неподдѣльнымъ восторгомъ. Народное пѣніе нынче отличается собственно самобытнымъ рисункомъ, то есть, пожалуй, «напѣвомъ (мелодіей, у иныхъ мотивомъ):» онъ совѣмъ другой; онъ разошелся неизмѣримо, онъ развился далеко, и тѣмъ болѣе, что сдѣлался почти единственною собственностью, какая предоставлена была свободѣ народной и власти. Судьбы исторіи были здѣсь совѣмъ иные, и онѣ-то существенно измѣнили первобытное единое основаніе. Съ этой стороны Церковное пѣніе и представительнѣйшее Храмовое относится къ Народному крайне сходно съ тѣмъ, какъ письменность-литература къ словесности, языкъ книжный къ устному, сочиненіе къ пѣснѣ, музыка къ звукамъ, наука къ знанію, искусство изящное и художество къ первобытному творчеству, исторія, живущая послѣдовательнымъ преемствомъ и наслѣдствомъ началъ развитія, къ бытію, вновь и постоянно нараждающемуся. За однимъ было рѣшительно все, всѣ задатки, условія и преимущества къ послѣдовательному, постепенному, правильному и опредѣленному развитію въ исторіи до самой высшей вершины: наслѣдство того, что сдѣлано еще Евреями, тѣмъ больше Греками и Южными Славянами, и наслѣдство не въ летучемъ и зыбкомъ преданіи, не въ натурѣ только вещей, а въ искусствѣ и въ наукѣ съ памятниками наглядными; съ самаго начала письменность, «знамена» (звуковые знаки, пѣніе Знаменное), знамена въ «Столпахъ»- гласовъ (пѣніе Столбовое), самые «Гласы» въ опредѣленныхъ письменныхъ предѣлахъ, постепенное развитіе не въ одномъ матеріалѣ голоса или въ напѣвѣ, а въ самомъ начертаніи, въ переходѣ отъ знаменъ къ общимъ «Крюкамъ (пѣніе Крюковое)» съ сотнями объясненій сверху, снизу, съ поля, съ «помѣтами» внутри, выражавшими степенъ для звуковъ гаммы, съ размѣтами текста примѣнительно къ пѣнію, съ содержаніемъ въ точномъ, строго хранимомъ и осторожно лишь пзмѣняемомъ текстѣ, со «школами» пѣнія, не бездушными стѣнами, а живыми школами по областямъ и горо-

дамъ (Новгородская, Псковская, Усольская, Ростовская, Казанская, Московская, частіе—монастырскія, даже по извѣстнымъ лицамъ, напр. «Христіаннова»), съ намѣренно обученными тамъ людьми, отборными пѣвцами и знатоками, парочными «хорами», «головщиками» — регентами во главѣ, съ составленными «Азбуками», «Грамматиками» и прочими руководствами, съ подновлявшимся ученіемъ отъ пріѣзжихъ знатоковъ, съ покровительствомъ государства и бдительнымъ попеченіемъ духовенства, съ мѣстомъ служенія, жалованьемъ, доходами, средствами матеріальной жизни ради одного пѣнія, со спеціальностью занятій, срокомъ работъ, раздѣленіемъ труда, и т. д., и т. д. Ничего этого не имѣло пѣніе народное, текло виѣ всего этого: и осталось виѣ, и отдѣлилось неизмѣримо, предоставленное самому себѣ, устному слову, летучему — измѣняемому звуку, дрожащему воздуху, по коему летѣли звуки, подъ открытымъ небомъ вмѣсто крова школы и съ опытомъ среды народной вмѣсто намѣренного обученія, съ природою и напѣями первобытнаго творчества въ замѣнъ разсчитаннаго мастерства и искусства, съ талантливою отгадкою звуковыхъ сочетаній, тѣмъ болѣе талантливою, чѣмъ было менѣе положительнаго знанія. Рапо и скоро оставили его инструменты — поддержка напѣва, и напѣвъ началъ измѣняться безъ границъ очертанныхъ; за разрушеніемъ напѣва терпѣль, распадался складъ, размѣръ, самый стихъ; съ истекшими періодами народнаго бытія зарастали былію цѣлыя его полосы и періоды, ускользало изъ жизни и памяти содержаніе; содержаніе суживалось, чѣмъ уже становились предѣлы народности, пока народность, а съ нею самая пѣсня, перешла въ удѣлъ одного ннешаго слоя, народа «простаго;» все, что выше его, бросало и забывало пѣсню; пѣсня лишалась всякой помѣты вкуса образованнаго; собственныя порожденія народа, государство и общество, пошли «нхимъ» нутемъ, не производительно для отставшихъ назадъ родителей; соблазнъ жизни «иной» подрывалъ самыя корни жизни самобытной. Въ связи съ Церковью еще могло быть отъ ней благодѣтельное вліяніе: оно поглощалось Стихами, въ чисто-народную область почти не достигало. Текстъ пѣсни еще попадалъ случайно въ письмо: цѣлкомъ начали его записывать только съ XVII вѣка (и то по вызову иностранцевъ), когда уже начинала подниматься главная соперница пѣсни — изящная литература, письменная

поэзія. Звуки пѣсни жили еще въ одномъ воздухѣ, когда въ письмѣ и печати разносились уже произведенія искусственной музыки на слова искусственной поэзіи. Взпились записывать изъ устъ на ноты—только въ XVIII вѣкѣ, а больше во второй его половинѣ: на ноты не свои, не Русскія, иностранныя, свычныя съ музыкой Западною. Слушало «образованное» ухо Нѣмецкое, Итальянское, Славянское, рѣже и позже Русское, а Русское за- нятое музыкою Западною, иныхъ основаній и сочетаній: за слу- хомъ уха писала и печатала рука, по печатному пѣлъ голосъ общества и, среди чуждой гармонизаціи, пекажалось самое луч- шее и послѣднее самостоятельное—напѣвъ пѣсни. Явился Рус- скія пѣсни, и встрѣчены рукописканіями, столь же похожія на Русскую Пѣсню, сколько концерты (не «херувимскія») Бортини- скаго и «переложенія» Турчанинова на подлинное наше Церков- ное пѣснопѣіе.

Итакъ по праву возстаетъ теперь передъ нами еще выше все величіе міра, созданнаго Пѣснопѣіемъ Духовнымъ, Церковнымъ и Храмовымъ: но, какъ бываетъ всегда въ дѣлахъ человѣческихъ, хотя бы они посвящены были на служеніе Богу, съ той же крайней вершины начинаются и потрясенія, перевороты, смуты и соблазны. Такъ случилось или неизбежно должно было со- вершиться и на Руси въ половинѣ XVII вѣка. — Москва, какъ и въ другихъ многихъ отношеніяхъ, успѣшно собрала къ себѣ областныя отличія, но не помирала ихъ. Разныя школы пѣнія только «заявляли» себя, но по прежнему распадалась, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше; аденты хвалились въ самой Москвѣ: «уко- ряющаяся другъ друга поносятъ, себя кійждо величаетъ, и хва- ляся глаголетъ—Азъ есмь Шайдуровъ ученикъ (школы Шайду- рова Новгородца), а нѣ хвалится Лукошковымъ (другаго учи- теля) ученіемъ (Евфросинъ въ половинѣ XVII в.)». Постепенно, вслѣдствіе самого богатства, со времени Стоглава установившіе- ся «путя» одного и того же основнаго пѣнія для одного и того же текста, или разные подборы и сочетанія способовъ пѣнія, «большой, средній и малый,» торжественный, праздничный и буд- ничный; развитіе потъ «Демественныхъ» и «Казанскаго знамени» въ разнообразіе и пополненіе простѣйшаго, болѣе строгаго, общаго «знаменнаго столповаго» пѣнія; обиліе отѣнныхъ «на- пѣвовъ,» отсюда истекавшее и невольно завлекавшее, такъ что

уже гонялись за разнообразіемъ отличій: доходило до того, что знаменитый, на примѣръ, головщикъ времени Логгинъ училъ пѣть одно и то же «на семнадцать пѣтвовъ разными знамены» или одинъ и тотъ же стихъ церковный по пяти-шести-десяти «переводамъ (редакціямъ пѣвческимъ)» и больше; очень естественно выходило, — «гдѣ ученикъ его ни сойдутся, тутъ и бранятся ⁴⁾»; наконецъ «роспѣвъ» одного и того же рода къ одной и той же темѣ прибавлялъ «разводы («ѳнты,» коими отличалось начало ихъ начертаній),» вариаций. То, что въ народномъ пѣніи, еслибы такъ записывалось, отвѣчало бы только природѣ, свидѣтельствуя о богатствѣ естества и не вызывая никакого раздумья кромѣ довѣрія и благодарности: то, въ пѣніи Церкви и Храма, которое все основывалось на канонѣ и правилѣ, вело сейчасъ и каждый разъ къ вопросу, — какъ же правильнѣе и лучше, какъ должно быть? Канонъ же и единство, теряясь въ разнообразіи, не вырабатывались вновь и для будущаго, не позволяли отгадывать, къ какому новому канону идемъ и прійдемъ. На вершинѣ искусства явилось уже такъ называемое искусство для искусства: «пѣніемъ нашимъ точною гласъ украшаемъ и знаменныя крюки бережемъ (наблюдаемъ), а священныя рѣчи до конца развращенны противу печатныхъ, письменныхъ, древнихъ и новыхъ книгъ (Евфросинъ).» У мастеровъ являлась алчность и взаимная зависть, столь извѣстная міру искусства: брали «мзду велию и иаче мѣры, и притомъ, какъ скоро замѣчали у себя ученика, остроумна естествомъ (талантливаго) и вкорѣ познающа пѣніе ихъ и знамя, тотчасъ скрывали отъ него добрыя переводы (редакціи) или исправныя списки..., и учили пѣть по перепорченнымъ и не съ прилежаніемъ, того ради, точно бы *единъ славенъ былъ о нъ человекъ иаче всѣхъ.*» Въ печати нотъ не было: а извѣстно, къ чему и къ какой порчѣ, при разнообразіи, доводила у насъ всегда переписка, въ настоящемъ случаѣ столь обширная и — даже дѣтская, ибо пѣли въ хорѣ мальчики, они же

⁴⁾ Намъ попадались рукописи, большею частію подаренныя послѣ кн. Одоевскому, гдѣ, на примѣръ, въ одной книжкѣ помѣщалось до двадцати „Херувимскихъ“ и болѣе, съ названіями по монастырямъ, приходамъ, пѣвцамъ, даже „бархатная,“ „малиновая,“ „рыженская“ и т. п. Пѣвцы обращались съ предіемомъ уже по своейски и дружески, безъ церемоній.

больше учились, и учили другъ друга, на нихъ же, какъ всегда, взваливали переписку тетрадокъ: «молодые отрочата, учившеся пѣти у подобныхъ себѣ, а нныя писати, донынѣ списываютъ другъ у друга переводъ съ перевода, и тетрадки съ тетрадокъ, не зная добрѣ ни силу рѣчи, ни разумъ стиха, ни буквы вѣдая, и въ той перепискѣ, отъ ненаученія, или отъ недосмотра описываются (Евфросинъ).» Однимъ словомъ, та же самая картина, что передъ нами въ многочисленныхъ пѣвческихъ хорахъ, при развившейся нынѣ Западной музыкѣ въ пѣніи разныхъ переложеній по тысячѣ тетрадокъ. При всколебавшихся основаніяхъ; при покачивувшихся столпахъ точнаго церковнаго «гласа,» разумѣется появилось «разгласіе (терминъ времени),» по нашему «розвь, розинтъ:» при партитурѣ легко ее тотчасъ остановить и возстановить, какъ только оказалась,—при тогдашнемъ унисонѣ она выдавалась еще рѣзче, но продолжительнѣе и съ упорствомъ, опиравшимся на свои права, безъ напоминаній нынѣшняго камертона. Въ противоположность тому, одновременно усилилась древняя и столь привычная язва нашего «служенія,»—«многогласіе:» то, на что жаловался Соборъ Стоглавый, простиралось лишь на чтеніе, теперь же простерлось и на пѣніе. Если стали розинтъ церковные основные «гласы» вслѣдствіе измѣненій, сюда проникшихъ; если поющій «голосъ» начиналъ розинтъ отъ другаго: то естественно оставалось ему высвободиться на особицу, однимъ голосомъ пѣть одинъ стихъ, а другимъ одновременно другой, особенно къ выгудѣ скорости, которая слишкомъ терпѣла отъ медленности всякихъ «разводовъ.» И вотъ, по свидѣтельству еще Гермогена, «вселіся въ церковномъ пѣніи великое неисправленіе..., голоса въ два, и въ три, и въ четыре, а индѣ въ пять и въ шесть, и то нашего христіанскаго закона чуже.» Разумѣется, отъ того страдалъ и самый Богослужебный текстъ: при искусствѣ для искусства и порченіемъ искусствъ пѣнія, онъ дѣлался не по смыслу содержанія, не по внутреннимъ требованіямъ препинанія; удареніе отдѣльныхъ словъ совершенно измѣнялось и теряло свое мѣсто, ибо звукъ ударялъ или протягивался совсѣмъ на другомъ слогѣ; явилось непомѣрное растяженіе и повтореніе нѣкоторыхъ слоговъ или звуковъ, о которомъ сей часъ скажемъ и которое прямо извращало весь языкъ церковный, такъ что пѣвцамъ приходилось учиться тексту чтенія

особо, а пѣвческому тексту подѣ потами совсѣмъ другому; и это выдавалось тѣмъ рѣзче, что текстъ имѣлъ уже опредѣленные, просмотрѣнные, печатные и однообразные изданія. Помянутое растяженіе, въ первобытномъ происхожденіи своемъ, имѣло смыслъ того же «развода» или «попѣвки (по нынѣшнему модуляціи, трели, рулады, скорѣе фюритуры, красные цвѣтки ad libitum),» когда, подобно теперешнимъ западнымъ соллистамъ, можно было оставить тему, а недавно текстъ и, съ однимъ слогомъ слова или даже чистымъ музыкальнымъ звукомъ, совершать прогулку по области всевозможныхъ украшеній. Тамъ, гдѣ прекращался текстъ, при послѣднемъ его слогѣ, и гдѣ начиналось украшеніе одного звука, въ Болгарскихъ рукописяхъ, къ намъ перешедшихъ, ставилось слово Болгарское (древле-Славянское) «хубаво» или «хубевѣ», сокращенно «ху,» то-есть—красиво, укрась, ударъ на этомъ, отступив и блестяще разведи: слово это, какъ слово, извѣстно было и Русскому древнему, народному языку; какъ терминъ пѣвческій, оно утвердилось въ нотныхъ нашихъ рукописяхъ, но, сдѣлавшись уже непонятнымъ какъ слово, обратилось въ «хебууве, хибууви,» какую-то хитрую и роковую «хебуу» или «хабууу,» какъ особое знамя нотное и знамя произвола, а между тѣмъ, въ сихъ формахъ, слово совпадало уже со словами неблаговидными въ народномъ говорѣ. Повелительному знаку хабуувы, начинали тянуть и разводить послѣдній слогъ слова (текста) или даже, бросивъ его, одинъ звукъ, впрочемъ все обзывая его опредѣленнымъ слогомъ, какъ нынче поютъ «а—а—а—э—э—э—о—о—о—ля—ля—ля—та—а—а,» а въ старину у насъ «э—э—э—не—ц—не—не—не—па,» откуда явился еще новый способъ и терминъ «Нейка, Найка, Нененайка.» Съ симъ вмѣстѣ естественно узаконилось право, по требованію лишней—противу слога—ноты и по произволу протягаемаго пѣвческаго звука, растягивать и удлиннять самые слоги слова, цѣлое слово, цѣлый текстъ. Церковно-Славянской и Болгарской языкъ, по закону своему, читалъ, на примѣръ, «сѣгрѣшихъ— предъ тобою — не преданъ насъ до коньца» и т. н., произносилъ здѣсь и полугласныя, а слѣдовательно ставя и надъ ними извѣстную ноту, притомъ соблюдая долготу пѣкоторыхъ гласныхъ, стало быть ставя надъ двогласными и ноту двойную, изъ двухъ музыкальныхъ единицъ: у насъ же полугласныя или не

произносились, или переходили *ъ* въ *о*, *ь* въ *е*, или двугласныя пропали, обратившись въ простую гласную, а во всякомъ случаѣ предстояло «огласить» вполнѣ эти полугласныя и соблюсти двойство другихъ гласныхъ, чтобы выдержать стоявшую надъ ними «лишнюю» ноту,—и вотъ явилось «согрѣшихомо—предо тобою—не предаи насъ до конца,» или разводъ среди слоговъ—«я—а (протяженіе *a*, лежавшаго въ *я*)—ко—о—о—о (протяженіе долгаго *o*, *o*-мега) на—ча—а—а—а—а (протяженіе *a* двоегласнаго, изъ носоваго, и притомъ подъ удареніемъ) ть—ъ (*ъ* произнесенный) кы—п—п—п—п—п—п (последнее *и* изъ долгаго *ы* (=яко начатки)) и т. п. Естественныя условія языка обратились въ условность ни съ чѣмъ несообразнаго пѣнія и обратно изуродовали у насъ текстъ. На языкѣ Русскомъ книжномъ и сознательномъ научномъ это явленіе, со стороны текста, получило имя «раздѣльно-рѣчія,» растяженія рѣчи по отдѣльнымъ слогамъ и звукамъ, противоположно «истинно-рѣчию» или «праворѣчию,» или «на правую рѣчь» и просто «на рѣчь,» то есть гдѣ бы каждый музыкальный звукъ отвѣчалъ бы каждому слогу и звуку рѣчи въ текстѣ; на языкѣ ходячемъ, въ употребительномъ всюду и наслѣдованномъ изстаринныхъ терминовъ *тѣлескомъ*, называлось это пѣніемъ «хомовымъ;» при окончательномъ обрусѣніи и передѣлкѣ, съ насмѣшкою надъ уродствомъ, начали колоть приверженцевъ прозвищемъ «хомонинъ» — какъ «симонинъ» или пѣніемъ «Хамовымъ.» Въ самомъ же дѣлѣ, по происхожденію, это пѣніе «гаммовое» или «по гаммѣ,» то есть, безъ отношенія къ рѣчи текста, однимъ «голосомъ,» разводъ звуковъ по гаммѣ церковнаго «гласа,» въ какомъ пѣлась извѣстная рѣчь, по гаммѣ, господствующей въ немъ, или, какъ тоньше звали еще, «погласницѣ;» совпадающее съ обычаемъ Западной музыки, это явленіе и названіе — «гамма» — вовсе, знаемъ, не Западное, а Греческое, усвоенное и Болгарами, вообще Славянами Южными, и намъ сначала очень хорошо извѣстное, по приѣмъ потныхъ рукописей, такъ что въ «помѣтахъ,» употребившихъ при «знамени» или «крюкѣ» согласныя «буквы,» первую являлся *г*, глаголъ, то есть та же гамма, первая буква и особенность азбуки нотной, отличающая сію последнюю

отъ азбуки и аза рѣчи, слова ⁵). При первомъ началѣ нашихъ рукописей нотныхъ или знаменныхъ, когда мы еще только переписывали принесенное и рабски ему слѣдовали, насъ не смущали лишніе противу рѣчи звуки и ноты, мы только списывали и приписывали гѣвческій значекъ «хухубаво—хубевѣ» или *у, ъ, уаѣѣѣѣ, ѣѣѣѣѣ*, не вводя этихъ указаний въ само гѣвие и не измѣняя имъ текста; а потому старшія рукописи были «истиннорѣчныя,» «на рѣчь:» но, параллельно такой же точно исторіи самого языка и текста, *при обрусѣннн*, вопросъ долженъ былъ разрѣшиться, а указаніе музыкальное пришлось же по своему истолковать, осмыслить и выполнить. Такъ разрослись, пытѣсились прежние и дошли до всего безобразія, руководимаго произволомъ, рукописи «хомовыя» съ гѣвиемъ «хомовымъ,» именно съ XV-го до половины XVII-го вѣка. Извѣстно, ничто такъ не вводитъ въ заблужденіе, какъ терминъ, у другихъ сложившійся, наследованный, на вѣру принятый, по своему—до науки—осмысленный, поддѣлываться по неволѣ принуждающій, въ полужанрѣ развитый у себя домашнимъ искусствомъ. Писатели и знатоки XVII вѣка, не умѣя разъяснить неточника и отдать себѣ отчетъ въ законности его начала, видѣли передъ собою только паличное уродство и въ негодованіи писали: «Безчисленно злая опись въ знаменныхъ книгахъ, рѣдко такой стихъ обряцется, который бы былъ не испорченъ въ рѣчахъ, во всякомъ знаменномъ гѣвнн... Книги харатейныя были писанныя, и по нихъ было гѣто тако же, яко же глаголемъ—«на рѣчь,» а не яко же нынѣ многое обрѣтается: поддѣ рѣчи, неприличныя послѣдующему разуму, приложены, а во иныхъ мѣстахъ нужнѣйшая гла-

⁵ Дм. В. Разумовскій въ своей исторіи, опустивъ изъ виду вопросы языка, съ которыми связано это явленіе, оставляетъ сущность сего послѣдняго безъ объясненій, „хомовое“ производитъ отъ употребительнѣйшихъ слоговъ „хо“ и „мо,“ а „хубаво,“ какъ испорченное, счтаетъ „нотю,“ имѣвшею въ составѣ своемъ греческій слогъ *χο*“ (во 2-мъ изд. онъ исправилъ это, но впалъ въ новыя неточности). Впервые высказывая въ печати выводъ нашъ, мы надѣемся, что онъ можетъ заинтересовать и филологовъ, ибо съ этой точки зрѣнія въ нотныхъ рукописяхъ имѣемъ документальное свидѣтельство, какъ произносились гласные и полугласные звуки у Болгаръ древнихъ и въ языкѣ Церковно-Славянскомъ, какіе звуки имъ отвѣчали и образовались у насъ, и когда это произошло.

голанія разуму отъяты, и всякіе глаголы (рѣченія) буквами лишними (растянутыми) переломаны... Гдѣ бо обрящутся, въ Священномъ писаніи нашего природнаго языка, Словенскаго діалекта, сицевыя несогласныя рѣчи — *сопасо* (съпасть), *во монъ* (въ мѣнѣ), *вонуче* (вънуче; выходило «въ опучѣ»), *иземи* (пзьми; выходило «и земли; Евфросинъ»). Въ XVII вѣкѣ, самое, такъ сказать, богатство дома сведено было въ скорлупу: на вершинѣ искусства увидали просто невозможность пѣть — сознательно, добросовѣстно, отчетливо передъ искусствомъ. Кинулись снова исправлять «на рѣчь:» предстояло возстановить текстъ, знамена сократить (безъ ущерба гласу и напѣву), а это было уже не легко послѣ двухъ вѣковъ обратнаго, и широкаго, развитія. Москва, какъ всегда, пошла при этомъ впереди и, какъ прежде, изъ нея повсюду разносились собранныя разпорѣчія и разгласія, такъ теперь исправленныя единогласія и истиннорѣчія. Всѣмъ и по всей Россіи потребовалось отличное языковѣдѣніе, музыкальное знаніе, опытное искусство: разумѣется, очутились въ пучинѣ и пропастн—прямо съ самой вершины. «По тѣхъ же временехъ (хомоваго пѣнія),» говоритъ знаменитый современникъ, коего скоро встрѣтимъ, «начаша, царствующаго града Москвы, во всѣхъ градѣхъ и монастырѣхъ, и въ селѣхъ, знаменнаго пѣнія мало-искусніи мастера, кійждо всякъ отъ себе, исправляти на правую рѣчь: и во единосогласіе не придоша. Ово же грубин и зѣло мало ученіи на сіе великое (дѣло) дерзнуша: и, отъ того ихъ дерзновения, вездѣ, во всѣхъ градѣхъ и селѣхъ, учинилось веліе разгласіе, (такъ) что и во единой церкви не токмо тріемъ или многимъ, но и двѣма пѣти стало невозможно.» Зашедши въ такое святилище, какъ Московскій Успенскій Соборъ, и въ такой праздникъ, какъ Благовѣщеніе, встрѣчали подобную сцену: «Одинъ говорилъ: *пой по новому* (на рѣчь). Другой отвѣчалъ: *не поемъ по новому, но по старому, како научихомся, тако и поемъ, а по новому не поемъ и не умѣемъ.* И опять говорилъ первый: *какъ ни будь пой, токмо не по старому, а по новому.* И долго потомъ они спорили, но одолѣли поволюбцы (Корнилій, случай 1657 года).»

Столь бѣдственна оказалась участь нашего Церковнаго Пѣнопѣнія, когда бы только торжествовать ему: частныя или исключительныя случаи, нами приведенныя словами и выраженіями

современниковъ, при всей ихъ дробности, готовы были однако же подорвать основное достоинство творческаго типа, подкопать и испровергнуть все величавое зданіе. Важна была не порча, исторически закрававшаяся, а закрававшееся въ душу недоумѣніе, объявившій соблазнъ, мгновенно распространившійся трепетъ, эта «шатость», которая мутитъ и мечетъ толпы. А между тѣмъ, какъ всегда почти бываетъ, къ бѣдѣ домашней подоснѣла бѣда со стороны: съ завоеваніемъ Руси Бѣлой и присоединеніемъ Малой, оттуда хлынулъ потокъ вліяній неожиданныхъ, событій небывалыхъ, притязаній и вопросовъ неслыханныхъ. То были колонизаторы Великой Россіи, искренно убѣжденные въ ея варварствѣ и невѣжествѣ, отважно несшіе съ собою свѣтъ и правду, готовые все передѣлать и переправить: ученые, писатели, пѣвцы, типографы, служаки, школяры и учителя, представительныя духовныя лица для занятія высшихъ должностей, переводчики, секретари и т. д., со своими системами, школами, хорами, даже одеждами, выговоромъ, и т. д. Мы такъ часто говорили уже о громадномъ значеніи этой колонизаціи, и въ самомъ «Православномъ Обзорѣніи» что для подробностей обращаемъ желающихъ къ прежнимъ статьямъ⁶⁾: здѣсь же вкратцѣ, что касается пѣнія и нотъ. Церковнаго Пѣсноупѣнія въ нашемъ смыслѣ, въ послѣдовательной и самобытной жизненной исторіи Русской, собственно не имѣла вовсе Западная Россія, ни въ Сѣверной (Бѣлой), ни въ Южной (Малой) половинѣ: какъ самая жизнь Русская подъ Литвою и Польшей, такъ пѣніе православное подъ католичествомъ, униатствомъ и отчасти протестантствомъ, держалось только связью съ древностію отдаленной, а связь устнымъ лишь преданіемъ и привычкою; оторванное отъ Россіи Великой, оно испытало дѣйствительный перерывъ самостоятельной жизни; основное и лучшее появлялось здѣсь лишь случайно, какъ заемъ отъ насъ сосѣдей или наше вліяніе. Между тѣмъ, слой за слоемъ, волна за волной, вторгалось туда вліяніе музыки церковной Западной, именно музыки въ узкомъ смыслѣ, съ помощію «органа» и другихъ орудій, отъ

⁶⁾ «Судьба нотныхъ пѣвческихъ книгъ», «Юрій Крижанецъ», «Типографская бібліотека», «Кал. Перех.» и др.

Латинства чрезъ Унію, отъ Уніи чрезъ Православіе во всю жизнь и въ заведенныя съ XVI вѣка особыя Православныя Школы. Школярность вводила науку, но не свою, выросшую изъ жизни, а занятую съ чужи: для самаго уснѣха обученію и для легкости, въ противоположность нашимъ знаменамъ «безлинейнымъ,» введена система западная «линейная,» съ западными же по-тами или начертаніями звуковъ. «Кіевское знамя,» къ намъ перешедшее и такъ по нашему обычаю названное, есть Западная Церковная линейная нота съ именами «утъ, ре, ми» и т. д. Если подъ нее попалъ какой либо древній православный «гласъ,» то лишь по памяти преданія и привычкѣ укоренившейся, не по сознанию и руководству памятниковъ, а гораздо больше по воздѣйствію пѣнія «народнаго,» принесеннаго Малорусскимъ племенемъ, его пародными Пѣснями и Стихами, его слѣпцами-пѣвцами-музыкантами, кобзарями-бандуристами-рыльниками. Такъ называемое «Греческое пѣніе,» тамъ же и въ ту же пору появившееся, основалось по вліянію на Братскія Школы пріѣзжихъ владыкъ, дидаскаловъ и ученыхъ Грековъ, удовлетворившихъ возникшей жаждѣ общенія и необходимому стремленію, въ отпоръ врагамъ, связаться тѣснѣе съ патриархатомъ Константинопольскимъ: то не было вовсе иѣніе старо-Греческое, намъ нѣкогда черезъ преемство Славянъ усвоенное, а болѣе новое, съ поминутымъ Малоазійскимъ характеромъ. Съ другой стороны, тѣмъ сильнѣе перевѣшивали тамъ означенные Стихи, не Церковные, не Храмовые и Богослужебные, а допущенные наконецъ Католичествомъ и Уніей въ удовлетвореніе отверженныхъ мірянъ: Стихи не наследованные отъ древности, не сложенные, какъ у насъ, въ средѣ народной по вызову духовнаго настроенія, а сочиненные писателями, положенные на музыку и пѣніе музыкантами; такіе же точно Стихи общественные и домашніе, пренебрегши храмовыми и церковными какъ—католическими, вводило усердно и Протестантство, столь сильное тамъ въ XVI—XVII вѣкѣ. вмѣстѣ съ симъ, Протестантство вносило съ собою, въ отпоръ музыкѣ Церковной — Латинской, начала музыки Западной — свѣтской или общественной, тогда только начавшей разигрываться въ Европѣ, искусственной — художественной — личной, не Народной, и не Церковной — Храмовой. Отсюда преимущественная гармопизація, отсюда партитура, дѣленіе на «partes,» на слажен-

ные голоса: съ тѣхъ поръ это постоянныя отличія пѣнія Западнорусскаго. Не худо это само по себѣ, въ сферѣ «общаго» искусства: а худо то, что это дѣло, при текстѣ Священномъ, Храмовомъ, Церковно-славянскомъ, Русскомъ, совершалось по основаніямъ музыки совсѣмъ иной, не по тѣмъ, кои лежали въ нашемъ исконномъ типическомъ пѣніи Церковномъ и Народномъ. Самыя начертанія на тамошнихъ линейкахъ, если нѣсколько отличны отъ тогдашнихъ современныхъ Католическихъ ⁷⁾, то это не столько дѣло тамошнихъ Русскихъ, а тѣмъ болѣе не дѣло наше, ибо мы послѣ руководились здѣсь только выборомъ и улучшеніями, подавно не произведеніе древности мѣстной, а новое производство тогдашнихъ Западно-русскихъ Протестантовъ, въ области сочиненныхъ—книжныхъ духовныхъ Стиховъ. Не на что было православнымъ опереться въ противодѣйствіи потоку: напрасно Братскія Школы, водимыя православнымъ чувствомъ, «проклинали» пѣніе «искусное многоголосное (партесное и новую гармонизацію):» они сами постепенно, и скоро, его приняли. Кіевъ школами соревновалъ здѣсь Луцку, Луцкъ Вильнѣ, Вильна Несвижу, Слуцку, Гданску, и т. д. Не церковныя и не народныя, Стихи изъ общества и дома-семейства вынуты, сосредоточены больше всего въ школѣ: школа, школа православная, стала представителемъ и поборникомъ православныхъ и всякихъ духовныхъ началъ за народъ, за семью, за общество остальное. Школы, школяры и школьники подхватили достойныя Стиховъ, сочиняли, пѣли, составляли хоры, разносили по всему лицу Руси Западной: это знаменитыя Псалмы, Канты, Кантычки, многія тысячи тетрадокъ и книжекъ. Чудная смѣсь рѣчи священной, храмовой, народной, придуманной книжной; языковъ Церковнославянскаго, Русскаго, Бѣлорусскаго письменнаго, Малорусскаго народнаго, Польскаго, Латинскаго, немного Греческаго; Богъ, Христосъ, Святыя рядомъ съ Аполлономъ, Музой, Граціями; педантизмъ съ вульгарностью; интеллигенція для мірянъ, профанція священнаго; линейки, ноты разныхъ начертаній, «партесъ» осколки уцѣлѣвшихъ церковныхъ мелодій, отрывки народныхъ напѣвовъ, отзвѣвъ мазурки, краковяка, мятелицы, козачка, вставки цѣликомъ

⁷⁾ Что замѣтилъ и Дм. В. Разумовскій.

изъ всевозможныхъ композиторовъ; Stabat Mater—Стала Матка—
Мать стояла—одного пѣва съ вымышленнымъ процаиємъ, не
Матери съ Сыномъ, а козака съ дѣвчиной — «Ихавъ козакъ за
Дунай.» Здѣсь-то исходное начало и всеѣмъ послѣдующимъ, такъ
называемымъ «духовнымъ концертамъ.» Черезъ Братскіе хоры и
духовенство печать тѣхъ же школъ на пѣніи храмовъ: самыя
старшія нотныя печатныя книги Львова и Кіева проникнуты
болѣе или менѣе тѣмъ же господствующимъ характеромъ; пою-
щіе практики, хотя бы съ клпировъ, были уже! полными его
адептами во всеѣхъ приемахъ и привычкахъ.—Рано или поздно,
все это съ колонизаціей должно было явиться и водвориться къ
намъ: какъ всегда, ускорило вліятельное лицо, воздвигся Никонъ.
Онъ засталъ минуту самаго рѣзкаго, помянутаго, нестроенія въ
пѣніи церковномъ: по естественному православному чувству, ви-
дѣлъ, слышалъ, чувствовалъ налицное безобразіе; по воспитанію
своему и степени образованія, всего менѣе могъ распознать
источникъ зла, отличить случайное отъ законовъ и основъ, ука-
зать путь самой сущности къ выходу изъ формъ непривлека-
тельныхъ. Помню личнаго характера, которому никто не судья,
зная природныя таланты, высокій умъ, искреннюю ревность,
подручную начитанность патріарха, не скажетъ же, надѣмся,
никто, что въ равной мѣрѣ доступны были ему свѣдѣнія науки,
даже современной ему, или высокъ былъ! очень уровень его
образованности сравнительно съ окружавшимъ. Такія лица всегда
и невздѣ! при встрѣчѣ путаницы, бросаются скорѣе къ ближай-
шему выходу, увлекаются скоростью рѣшенія, поддаются прелести
готоваго, и бѣда, если еще оно носитъ видъ или титулъ науки,
искусства, школы, столь внушительный; столь мало знакомый:
несокрушима энергія личной силы пособляетъ довершить кру-
той переворотъ. Такъ поступилъ онъ въ вопросахъ исправленія
текста, такъ въ типографіи, совершившей при немъ поворотъ,
такъ въ пѣніи и нотахъ: тѣ же, какъ тамъ ни въ другихъ слу-
чаяхъ, колонизаторы, выходцы, пришельцы съ Русси Западной
явились ему точными исполнителями. Съ 1651 года, въ 52-мъ,
56-мъ, 57-мъ и далѣе, партія за партіей, прибываютъ къ Москвѣ
Западно-Русскіе, всего больше Кіевскіе пѣвчіе, «спѣваки» и
«спѣваки» посылаютъ и туда учиться; и оттуда, и въ Москвѣ насъ
учать; прибылъ и славный Коленда, и при Полоцкомъ, для его

стихотворной Псалтыри, подборъ своихъ дѣльцовъ, и, наконецъ, позднѣе, самъ знаменитый, слава въѣка, Дилецкій, Кіевлянинъ-Виленецъ, выученикъ «искусныхъ художниковъ», въ томъ числѣ «церкви Римскія» и «творца» въ контрапунктѣ Замаревича, самъ учитель и творецъ всякихъ «мускій.» Пршесены, водворились тетрадки, книжки, линейныя ноты изъ Кіева, Могилева, Витебска, Вильны; въ Новгородѣ, Иверскомъ Монастырѣ, Московскихъ Соборахъ, Патріаршей церкви, въ хорѣ придворномъ, въ Новомъ Ерусалимѣ, слышалось и процвѣло пѣніе «сладкогласное,» «одушевленное,» «избранное,» «предивное,» «многоусугубляемое,» «по партесеу,» «во вся строки (partes, откуда въ слѣдъ за тѣмъ ноты и рукописи «строчныя,» гдѣ «строка» отвѣчала отдѣльному голосу),» подъ управленіемъ «регентовъ,» въ исполненіи отборныхъ, и самыхъ разнородныхъ художниковъ; ибо подъ покровомъ Никона «пробываху иноземцы, Греки и Поляки, Черкасы (Малоруссы) и Бѣлорусцы, и новокрещенные Пѣмцы и Жиды, въ монашескомъ чинѣ и въ бѣлецкомъ (Шушерницѣ).» Тщетно, послѣдуя Гермогену, не терпѣвшему этого «Латискаго пѣнія,» патріархъ Юсифъ, услышавши подобное, нарочито запрещалъ употреблять его своему преемнику; видимо колебался, хотя и допускалъ, благодушный царь Алексій: время брало свое, и Никонъ, къ чести его и въ заслугу, угадалъ снмъ поворотную минуту, когда легко было привить къ намъ Западное искусство, дабы изъ борьбы выработалось что ни будь высшее впоследствии; съ этой стороны онъ былъ передовымъ, человѣкомъ эпохи, хотя и не сознавалъ того. А между тѣмъ во всякомъ случаѣ это прибавило новыя стихіи смятенія въ тогдашній водоворотъ соблазновъ.—Кромѣ сего для Никона же принесены первыя нотныя линейныя книги съ позднѣйшимъ «роснѣвомъ Греческимъ,» которому вообще и постоянно покровительствовалъ патріархъ, для котораго собралъ столько данныхъ изъ путешествія Суханова и который утвердилъ у насъ пережившіе патріарха прѣзкіе враги его, всего болѣе въ ту пору успѣвшіеся. — Вопросы усложнились крайне, положеніе стало невыносимо: толчокъ къ выходу, сами еще впрочемъ не зная—куда, дали собственно тѣ же пришельцы. Переводя въ пинѣшнемъ смыслѣ или нашими словами, они гласили громко: Чтѣ въ вашемъ знаменитомъ, и зна-

меніомъ пѣніи? Посмотрите, дошло до какоо безобразія! Бросьте невѣжество свое, поклонитесь нашему искусству!—А въ слѣдъ за ихъ словами и дѣломъ, вознегодовавъ еще раньше того на исправленія и новизны другія, тревожась толками объ исправленіи «на рѣчь», смущенная теперь сладкогласіемъ партеса и даже Греческимъ распѣвомъ, который поддерживали пріѣзжіе строгіе обличители, цѣлая масса недовольныхъ, столь однако дорожихъ для Церкви, отступала рѣзче и рѣзче «въ расколъ.» — Минута настала критическая; медлить больше нельзя было: созданный ею и всѣмъ вѣкомъ, явился спасителемъ и руководителемъ къ пристани передовой человѣкъ, эпохи, къ которому доселѣ шли мы: постепенно въ своемъ очеркѣ. Это былъ Александръ Мезенцевъ, житель Москвы, скромный иннокъ, музыкантъ въ душѣ, высокій ученый своего дѣла, знатокъ всего нашего пѣнія вообще и практикъ-пѣвецъ, поборникъ Православнаго пѣнія Церковнаго, возстановитель, преобразователь Храмоваго-Богослужебнаго; примиритель основъ досточтимой древности съ правами новой жизни. Когда не принесла практическаго успѣха окружная увѣщательная грамота царя, и первая коммиссія, имъ назначенная, изъ 14-ти «дидаскаловъ (музыкальныхъ ученыхъ), от лично знавшихъ церковное пѣніе,» была прервана въ дѣйствіяхъ своихъ послѣдовавшими войнами, тревожными вопросами политическими и моровою язвою, а существеннѣе, кажется, разногласіемъ разнородныхъ членовъ, тянувшихъ въ разныя стороны; когда самъ соборъ 1666—7 года заповѣдалъ «гласовное пѣніе (пѣніе гласовъ) пѣти на рѣчь,» указавъ настоятельную необходимость поспѣшнаго исправленія: колебавшійся дотолѣ Алексій, убѣжденный по видимому всего больше и развязанный на свободу паденіемъ своего прежняго строптиваго любимца, стоявшаго за «партесъ,» рѣшился составить, по совѣту съ Іоасафомъ, «собраніе» или вторую коммиссію совершенно новую, особаго состава. Во главѣ ея сталъ извѣстный, просвѣщенный человѣкъ времени, соединявшій и любовь къ древности, и новыя начинанія въ подвластномъ ему Крутицкомъ Братствѣ, начальникъ и Типографіи Московской, и противуборець Никона, самъ державшій у себя большой Крутицкій пѣвческій хоръ, Митрополитъ Сарскій и Подонскій Павелъ: онъ собралъ вокругъ себя только *шесть* чело-

эльк, іно «мастеровъ, добръ вѣдущихъ знаменіе.» Много было въ связи съ этимъ предпріятіемъ и другихъ Москвичей, образованныхъ и въ родной старинѣ, и въ наукѣ смысла болѣе широкаго, — довольно напомнить тогдашнихъ дѣятелей: одной уже Московской Типографіи⁸⁾: по душею всего являлся Александръ Мезенецъ, по справедливости заслонившій прочихъ своимъ именемъ и дѣломъ. Невѣжественными выходками и тупой самоувѣренностью представителей «партеса» опиравшихся единственно на гармонию и ноту въ линейкахъ, а между тѣмъ порочившихъ священнѣйшее дѣло нашихъ священныхъ пѣнопѣвій, онъ былъ затронуть до глубины души: какъ археологъ, ученый музыкантъ и практикъ, онъ зналъ очень хорошо, что не только линейки и начертанія въ нихъ; но и сама гармонія съ партесомъ есть собственно одна только виѣшность относительно внутренней музыкальной сущности и законовъ ея; что новая форма, при извѣстныхъ условіяхъ, легко осуществима въ нашей собственной области, но и прежняя, выработанная опытомъ, концепція нашего цѣлаго и, такъ сказать, нажитое творческое тѣло для выраженія православнаго духа въ звукахъ, не только не ниже принесенныхъ обновленій, но даже цѣлесообразнѣе въ примѣненіи ко внутренней жизни; наконецъ, что семь нашихъ вѣковъ въ исторіи этого дѣла, да десять или больше старшихъ, Славянскихъ и Греческихъ, съ которыми мы связаны непрерывнымъ преемствомъ и наслѣдствомъ, представляютъ собою міръ далеко глубже, шире, выше и полнѣе, чѣмъ скороспѣлая пересадка чужихъ стихій и приемовъ, мелкая отрывочность собственныхъ началъ самобытныхъ; да измышленіе нѣсколькихъ сочинителей—композиторовъ, собранныхъ въ пеструю хрестоматію какими ни будь двумя вѣками, — то, что принесла съ собою къ намъ Русь Западная. Вотъ достопамятныя, горькія и полныя достоинства, слова его: «И пылъ нѣщцы, возникшіе отъ повѣвшихъ пѣно-снискателей, круподушествующе и блязнящесе о семь (дѣлѣ пѣнопѣвій), кромѣ ученія, наше старо-россійское

⁸⁾ См. объ нихъ въ „Прав. Обозр.“: „Юрій Кривжаничъ.“

знамя, дерзаючи, порицають и укоряють, наипаче же рещи, весьма оуждають; глаголюще: яко неудобо-лѣпно, ниже вмѣстнo сему нашему знамени, и сокровеннымъ лицамъ въ пѣніи, пзяцнымъ быти противо потнаго знамени.» Мезенецъ писалъ кппжнымъ языкомъ эпохи, «со множествомъ условныхъ терминовъ своей науки, и въ добавокъ о дѣлѣ, знакомомъ близко и въ наше время для немногихъ: рѣчь его изслѣдованій весьма сходится, на примѣръ, съ современнымъ ему, столь же техническимъ, сочиненіемъ урядника о сокольничьемъ пути (*si licet parva compropere magnis*, помню содержанія). Потому не лишне перевести съ объясненіемъ: «И нынче нѣкоторые, появившіеся изъ числа повѣйшихъ «сочинителей» въ области пѣнія (пронія: не только композиторовъ самобытныхъ, но собственно «собрателей», чужаго, не вѣдающихъ творчества историческаго, церковнаго и народнаго), пускаются въ мелочи (мелкою душой своей) и, соблазнивъ, заблуждаются въ семь дѣлѣ, стоя въ наукѣ. Они дерзко порицають и укоряють, даже, можно сказать, совершенно оуждають нашу старо-русскую «знаменную» систему искусства, говоря, будто наши знаменныя начертанія и скрытые въ нихъ (лежащіе подъ ними) внутренніе образы пѣнія (составляющіе сущность его) не годятся, не лѣпы, не совмѣстны, со стороны пзящества, если приложить ихъ къ новой лпнейной системѣ и «потамъ» ея, или сравнить съ сими послѣдними (сравнительно съ ними, наша область будто бы уступаетъ, въ дѣлѣ пзяцнаго искусства, до того, что является негодною, нелѣною, неумѣстною).»—Итакъ, задачею Мезенца было: отстоять все достоинство нашего основнаго Церковнаго, и особенно Храмоваго, пѣнія; дать ему такой видъ, который бы отвѣчалъ сему достоинству, а для того очистить вкравшіеся недостатки, заблужденія, смѣшанности, и преобразовать въ новомъ порядкѣ; указать и опредѣлить возможность и пользоваться впродъ до безконечнаго развитія, употребляя основныя начала въ преобразованномъ видѣ, согласно всѣмъ текущимъ и новымъ потребностямъ жизни; а все это, разумѣется, какъ научно и убѣдительно для знанія, такъ и практически, легко и удобно для приложенія. Задача громадная, по видимому превышавшая всякую мѣру личныхъ силъ. Предъ собою, отъ прошлаго, имѣлъ онъ только груды матеріала,

ль тысячъ памятниковъ, отчасти пострадавшихъ, да окружающее употребленіе — пошатнувшееся или искаженное, а теорію весьма слабую, руководства немногочисленныя и краткія, считая въ томъ числѣ и отличное, но не многостороннее и специальное въ своихъ частностяхъ, руководство (или грамматику) Шайдурова, съ которымъ мы скоро еще познакомимся. Съ Мезенцемъ же, въ нашемъ дѣлѣ, мы привѣтствуемъ первый періодъ *сознательный*, первую ясную теорію и *науку въ истинномъ смыслѣ*.

Геніемъ созданное и во многихъ спискахъ сохранившееся, Мезенцово «Извѣщеніе — требующимъ учиться пѣнію» или, въ общепотребительномъ съ тѣхъ поръ названіи, «Грамматика крюковаго пѣнія,» удовлетворяетъ самымъ строгимъ требованіямъ науки и практики: соединяя ту и другую въ законахъ, правилахъ и образцахъ, произведеніе это представляетъ собою единственное зеркало и полнѣйшее разъясненіе для всей сущности нашего знаменнаго пѣнія, за всѣ предшествовавшіе вѣка, а потому оно послужило и должно служить въ семь дѣлѣ руководствомъ для всѣхъ и каждаго. Оно состоитъ изъ 3-хъ *Отдѣленій*, 1-е и 3-е въ 3-хъ *частяхъ* каждое, а 2-е изъ 31-и статьи: Извлекая самую краткую сущность изъ этой полноты и подробности, въ 1-мъ отдѣленіи мы находимъ собственно опредѣленіе *степеней* звука въ нашемъ знаменномъ пѣніи. То, что достигнуто на Западѣ и достигается теперь линейками, въ принятомъ числѣ ихъ съ добавками и ключами, вовсе не составляло для насъ новости и давно было намъ извѣстно, изстаря практиковалось по рукописямъ, особенно въ школѣ Новгородской, и тамъ же, въ XVI вѣкѣ, получило опредѣленную систему, трудомъ «мастера (маэстро),» ученаго предстоятеля церковной пѣснопѣческой школы, *Ивана Акимовича Шайдурова*: онъ стяжалъ за то истинное уваженіе и благоговѣнную память у многочисленныхъ учениковъ своихъ, да и всѣхъ нашихъ предковъ, его поклонниковъ. При *черныхъ* знаменахъ, означавшихъ собою всѣ совокупные законы пѣнія по гласамъ, издревле существовавшія особо красныя, кинварныя «помѣты,» то есть прибавлявшіеся или вставлявшіеся знаки «степенные,» дабы въ частности указать «гласотеченіе» или «гласостунаніе» по «степенямъ,» растолковалъ и опредѣлялъ Шайдуровъ съ возможною точностію:

съ тѣхъ поръ для школъ и пѣвцовъ сдѣлались сознательны *смы* основныхъ звуковъ, выраженныхъ Славяно-Русскими буквами, по образцу музыкальной *гаммы* (γ) Греческой ⁹⁾, въ известной послѣдовательности, начиная и завершая *глаголемъ*, такъ что Шайдуровскіе *г, н, с, м, п, в* и опять *г* равняются употребительнымъ нынѣ «утъ, ре, ми, фа, соль, ла» и опять «фа» въ господствующей Церковной гаммѣ, притомъ съ разными видами и сочетаніями, по которымъ, на примѣръ, если нижній $г = C$ -фа-утъ, то $н = D$ -соль-ре, $с = E$ -ла-ми (при томъ же ключѣ) и т. д. Отсюда, съ известными дополненіями сихъ основныхъ помѣтъ, возросшими послѣ Шайдурова собственно до 10-ти (для означенія нижайшихъ «утъ, ре» и «ми»), еслибы эти «помѣты» вынуть и замѣнить нынѣшнимъ способомъ письма, то это были бы тѣ же линейки съ ключемъ: другими словами, знамена или крюки, какъ скоро они «съ помѣтами» оказываются собственно въ линейкахъ, въ ступеняхъ лѣтвицы (скалы), ео звуками или нотами по ступенямъ. Поселку же, такимъ образомъ, кромѣ знаменъ, учились въ школѣ помѣтамъ, или, что то же, гаммѣ въ линейкахъ (по нынѣшнему возрѣнію), а нынче дошло у старообрядцевъ до того, что они собственно и поютъ не «крюки» уже въ ихъ цѣльномъ составѣ, а исключительно «помѣты», и только ими понимаютъ, ими выражаютъ указаніе крюка: то въ ерединѣ сихъ предѣловъ, давнихъ и нынѣшнихъ, съ XV до половины XVII вѣка, какъ говорили мы выше, вывободилась на просторъ и даже произволь болѣе или менѣе отвлеченная *гамма* (гамма музыкальная ради самой музыки); другими словами, — развилось *гаммовое* «гласотеченіе» звуковъ по ихъ ступенямъ, въ предѣлахъ конечно церковнаго «гласа» и «осмогласія», но вмѣстѣ по безпредѣльной области звуковыхъ сочетаній, безъ отношеній уже къ текету, какъ содержанію, напротивъ подводя въ подчиненность самое слово текста или отнимая у него, такъ сказать, для

⁹⁾ Въ ней, какъ и у прочихъ классическихъ народовъ Востока, на примѣръ Индійцевъ, *нотами* употреблялись, известно, тѣ же *буквы*, только условнаго «музыкальнаго» значенія.

гаммовой прогулки; частичку въ родѣ *э—не—на—а*, и т. п. Это и есть пѣніе *хамовое* или *хомовое* съ его, «раздѣльноръчіемъ.» Уступая привычкѣ пѣвцовъ къ помѣтамъ и ради необходимости, чтобы неопытные продолжали отличать по нимъ верхніе звуки отъ подобныхъ же нижнихъ, Мезенецъ привелъ только въ стройный порядокъ пополненія, накопившіяся съ теченіемъ времени къ Шайдуровской степенной и буквенной гаммѣ, для выраженія *всѣхъ* тонкостей сей системы: но, кромѣ того, изобрѣлъ способъ гораздо простѣйшій, съ избыткомъ замѣнявшій помѣты или же ихъ еще больше регулировавшій. Это такъ названный Мезенцомъ *признакъ*: уже не киварная буква, а условный *черный знакъ*; красивый, небольшой и короткій, прибавлявшійся къ *черному же знамену* и съ нимъ сливавшійся въ одно начертаніе. А между тѣмъ онъ выражалъ то же самое, что помѣта, и лучше, ибо давалъ прямо и легко замѣтить различіе, употреблялось ли одно и то же начертаніе знаменное, на примѣръ, для «утъ», или для «ре» за то не нестрилъ киварью и лишними буквами, напротивъ, оставлялъ безъ переменъ, съ добавкою лишь тонкой черты, основное подлинное черное знамя и фигуру его, возвращая наши книги въ семь видѣ къ древнѣйшимъ пергаминамъ рукописямъ пѣнопѣнія. Но, чтобы примѣнить снмъ способомъ «признакъ» и оставить черное знамя неприкосновеннымъ, даже возстановить сіе послѣднее до фигуры древнѣйшей,—слѣдовало, если не отступить отъ системы Шайдурова въ обозначеніи музыкальной гаммы, то развить сію систему на основаніяхъ дальнѣйшихъ, болѣе широкихъ; и сообщить тѣмъ же началамъ новую постановку, правильнѣйшее движеніе. Для сего Мезенецъ, сообразно сущности, раздѣлилъ церковную лѣствицу (скалу) на 12 звуковъ. (какъ бы по нынѣшнему на 7-ми линейкахъ), а этотъ звукорядъ подраздѣлилъ на отрѣзки болѣе короткіе, именно на 3 четвертные группы (по 4 звука въ каждой, въ разстояніи интервала кварты). Тогда особый «признакъ» понадобился только для 2-й и для 3-й группы (отъ *D—солъ—ре*, по мѣстамъ 2, 5, 8 и 11, отъ *E—ла—ми*, по 3, 6, 9 и 12): только здѣсь и явились знамена съ признакомъ, «призначныя.» Знамена же 1-й группы (отъ *C—фа—утъ*, 1, 4, 7 и 10), какъ «отъятыя (*сверхъ* 2-й и 3-й),» остались естественно древнія безъ всякой прибавки,

монического сопряженія, — техническое выразительное имя «три-естество-гласія (согласія тройнаго, основанаго на: естествѣ).» Это уже прямо — основа и начало «гармонизаціи,» соглашения, воспроизводимаго искусствомъ въ разнообразныхъ сочетаніяхъ: то, чѣмъ именно гармонизуется удобно всякій напѣвъ Русскій, народный ли, церковный ли (въ особенности контрапунктомъ «безъ благозвучной кварты»). А вмѣстѣ съ симъ открытъ путь партитурѣ и какому угодно правильному «партесу,» безъ искаженія напѣва и съ соблюденіемъ самобытныхъ Русскихъ особенностей. Вотъ почему, у самого Мезенца и въ основанной имъ школѣ, наша «знаменная» область остается «безлинейною» и удерживаетъ это названіе: но уже понимается и ясно сознается «какъ линейная,» или, лучше, «степенная,» а потому, въ соотвѣтствіе системы, принесенной съ Запада, тотчасъ же являются у насъ рукописи, гдѣ строка «въ пяти линейкахъ» сопровождается *под-*

словъ; осью гласами и столпами ихъ въ иѣнн церковномъ; выработаннымъ на Западѣ (преимущественно) понятіемъ октавы; осью струною, на которую покушались, хотя и смѣялись, Греки античные. Если же звукорядъ продолжать за семь и за восемь, въ какомъ бы то ни было отношеніи или примѣненіи, что произошло, на примѣръ, когда размѣръ народный расширился на $7+3=10$ (каковъ размѣръ Славянскій и древній Русскій) или на $7+4=11$, на $8+4=12$ или на $8+5=13$, а потомъ и $8+8=16$; когда и струны эпическихъ, болѣе позднихъ, инструментовъ дошли до 10, 12 и 13-ти; когда къ церковнымъ 8-ми гласамъ прибавились „погласицы“ и „самогласны;“ когда послѣдователи самого Шайдурова допустили уже $7+3=10$ буквъ; когда Мезенецъ, независимо отъ Западной октавы, упредилъ послѣдующее необходимое развитіе ея возрѣній своими 12-ю звуками въ 3-хъ группахъ по 4-ре: — тогда, при этомъ высвобожденномъ понятіи объ отрѣзкахъ въ 3—4—5, возвращались всегда, возвратились у насъ, и теперь возвращаются къ возрѣніямъ исконнымъ, извѣстнымъ у Грековъ подъ именемъ тетраchorда и основаннымъ на природномъ подраздѣленіи самого седмичнаго звукоряда, чрезъ посредство средняго полутона, на 3+4 или 4+3, вѣрнѣе $3\frac{1}{2}+3\frac{1}{2}$, въ октавѣ 4+4. Отсюда-то поняли иныче двѣ половины въ основномъ метрѣ народномъ (въ 8-ми) и 3 или 4 струны старшихъ инструментовъ; отсюда тѣ же 4 струны въ пѣвшихихъ; 4 старшихъ и 5 послѣдующихъ линейекъ, 3 или 5 добавочныхъ; распадѣніе нашихъ 8 гласовъ на 2 типа (по 4) или на 4 типа (по 2); партіи въ 4 голоса и т. п. Отсюда же вся плодотворность выводовъ Мезенца: по онъ еще выразилъ это *начертаніями*, и вотъ его вѣковѣчная заслуга.

писанною, древнею нашею, строкою, «безлинейною», съ приёмами, которые утвердилъ Мезенець. Первая объясняется второю: не потому, чтобъ была загадочна, а для того, чтобы показать ихъ точное соотвѣтствіе и тождество основныхъ началъ. Это рукописи и ноты—такъ называемыя—«двойныя» или «безлинейно-линейныя», «знаменно-нотныя («нотною», въ отличіе отъ «знамени» и «крюка» съ помѣтами, постоянно съ тѣхъ поръ называется знакъ въ видимыхъ линейкахъ).» Вотъ почему, во вторыхъ, съ той же самой поры: правильнымъ уже порядкомъ появляются рукописи, въ техническомъ строгомъ смыслѣ «строчныя» (которые слѣдуетъ отличать отъ прежнихъ «путевыхъ», гдѣ нѣсколько «путей» означало нѣсколько «способовъ» изложенія основной мелодіи или даже разные «распѣвы» главнаго («напѣва»): это, *надъ* текстомъ, въ полномъ видѣ своемъ болѣею частію *четыре* «строки» безлинейнаго знамени, то черныя, то красныя по цвѣту, въ отличіе одна отъ другой; основная мелодія, знаменнаго распѣва, помѣщалась обыкновенно въ срединной строкѣ и ей-то усвоено, частіе примѣненное, имя «путь» (то есть основной путь, котораго держалось нѣніе, развѣтвленное рядомъ по сторонамъ или частямъ, *partes*); «низъ» и «верхъ» означалъ другія партіи или голоса; сопровождающій аккордъ въ гармонизаціи состоялъ изъ, помянутаго «совершеннаго трезвучія», съ разными его видоизмѣненіями. Теперь уже доказано наукою, что это «строчное» нѣніе было совершенно «партесное» въ нашемъ смыслѣ; оно точъ въ точъ передается нынѣшними нотами въ линейкахъ на четыре голоса рядомъ: такъ—хотя безъ нынѣшнихъ нотъ и линеекъ—понималось оно тогдашними знатоками, и такъ практиковалось, особенно дворцовыми и патріаршими пѣвчими, во второй половинѣ XVII вѣка, въ «строчныхъ» обѣднѣяхъ, вообще при нѣніи «строками», «въ строки.» Никонъ, увлекавшійся этимъ дѣломъ, хотя и «не въ этомъ видѣ», а по принесеннымъ съ чужи тетрадкамъ и книгамъ, простиралъ свое рвеніе до того, что приказывалъ «набирать пѣвчихъ во вся строки, *хотя бы и съ мышкомъ*» въ 6 и въ 8 употреблялись нерѣдко ноты и хоры Западной Руси, съ «первыми» и «вторыми» голосами, а шпирокая Великорусская патура, какъ водится, распахнулась здѣсь еще шире, черезъ край. Съ другой стороны,

это не есть однако общеупотребительный способ тогдашняго иѣнія, ни господствующій видъ нотной системы съ тѣхъ поръ: напротивъ, эти «отдѣльныя» рукописи суть собственно «студіи» опыты и упражненія школы Мезенцовой, первоначально съ участіемъ и руководствомъ самого учителя, но, повторяемъ, для того только, чтобъ указать и доказать соотвѣтствіе наше общему музыкальному міру, достоинство наше самобытное и легкость приращенія всѣхъ нововведеній, еслибы кто взялся за нихъ не поврѣждая основъ. Души своей самъ Мезенець не положилъ сюда и остался вѣренъ древнѣйшему типу, во всемъ его объемѣ и видѣ, съ тѣми совершенствованіями, которыя внесъ сюда. Дѣло «видимыхъ» линеекъ (когда степени звуковъ и безъ того обозначались), какъ дѣло мелкое и почти дѣтское сравнительно съ напей зрѣлостью, онъ разъяснилъ указаніями, но предоставилъ другимъ, ближайшимъ потомкамъ, если угодно — доработывать; дѣло гармонизаціи въ партитурѣ, совпадавшее при немъ съ приисейными линейными нотами, онъ призналъ какъ возможное и положилъ правильныя къ нему основанія, давши самые опыты и образцы, но въ то же время не считалъ своимъ дѣломъ спеціальнымъ, а только настойчиво заявилъ, что для успѣха къ тому, для перевода всѣхъ внутреннихъ «образовъ» или «лицъ», составляющихъ сущность нашего осмогласія и скрытыхъ въ начертаніи «знаменномъ», для перевода ихъ, такъ сказать, на новый «многоглаголивый» языкъ, для этого нужна наука и наука. Самъ онъ конечно усилъ бы начатки сего возрастить въ полноту и провести въ жизнь — еслибы пожилъ еще лѣтъ двѣсти; пока же оставилъ по себѣ только стройнй посмертнй завѣтъ: «Старо-Словено-Россійское, въ тайно-сокровенно-личнои знамени (гдѣ «лица» или «образы» скрыты внутри начертанія и образъ внутреннй узнается по вѣщнмъ чертамъ его на письмѣ), пѣніе преводити въ партесное или (въ) нотное пѣніе (по линейкамъ съ дѣленіемъ голосовъ), и исправити добръ (въ семъ видѣ хорошенъко обработать); — вѣмъ по истинѣ, *безъ науки превести и исправити — никакоеже возможно.*» Слова, сохранившія всю силу свою досель, задача по убѣжденію первѣйшихъ знатоковъ нашего дня, еще не исполнимая.

Вотъ сущность *перваго* Отдѣленія Мезенцовой Граматики,

самый предмет; а равно послѣдствія, отсюда выигранныя для искусства. Но было еще послѣдствіе практическое, совершенно вышнее, и однако громадной важности. Какъ ни удачно выполнялось тогда въ Московской Типографіи печатаніе тиска «двойнаго,» черною краской и кинварью съ искусною «приводкой» того и другаго, красныя (а при красныхъ строкахъ черныя) «помѣты» были гораздо затруднительнѣе и почти непреодолимы для набора (оставалось бы развѣ отливать събтнн монограммы): замѣтивши ихъ, «чорными,» же «признаками,» краткими, немногочисленными, «подставными» къ основному знамени, Мезенецъ удивительно облегчилъ и сдѣлалъ вполне возможнымъ столь настоятельное, но исправленіи дѣла неизбежное, однообразное печатаніе нашихъ знаменныхъ книгъ для тпннй. И точно, печатаніе было подготовлено, разумѣется по указанію Мезенца и тогдашними отличными мастерами типографскими; сдѣланы матрицы и пунсоны въ большемъ количествѣ, отлиты знаки наборные «для знаменной пѣвчей азбуки,» на двѣ формы тиска; хранилось все это и ожидало еще жизни до самаго 1681 года; да и далѣе ¹¹⁾: обстоятельства, о которыхъ скажемъ ниже, помѣшали, и временный перерывъ обратился въ совершенный застой. Это уже не вина Мезенца, и мы переходимъ ко второму Отдѣленію его труда.

Но прежде замѣтимъ кстати о *послѣдней Части третьяго Отдѣленія*, примыкающей сюда ближе по своему предмету. Опредѣливши «мѣсто» или «степени» звуковъ знаменной системы, равно и самое качество или сущность знаменованной церковной музыки, Мезенецъ закончилъ здѣсь изслѣдованіемъ «мѣры,» «протяженія» или «количества» звуковъ по «временію» въ томъ или другомъ знамени (по нашему, какъ относятся двѣ черныя ноты къ бѣлой, двѣ бѣлыхъ къ цѣлой и т. п.). Онъ называетъ это «дробью» и «тонкостью мѣры» въ «гласоступаніи,» опредѣленномъ, у него, прежде. Но онъ не дошелъ до точности и даже не поставилъ яено вопроса о «числѣ» и связанной съ нимъ «силѣ» (почти то же, что удареніи); о томъ, чѣмъ въ сущности условливается «ритмъ» (въ древ-

¹¹⁾ Подробности о семъ въ нашей статьѣ „Прав. Обзор.“ 1864 г., №№ 5 и 6.

немъ смыслѣ); симметричный или несимметричный (правильнѣе свободный), а по числу стопъ (не совсѣмъ точно) — о дѣленіи на такты, отвѣчающіе стопѣ стиха, и на колѣна, въ соответствіе осмысленной фразѣ рѣчи или цѣлому стиху. Только лишь черезъ полтора столѣтія, коснулася этого почтенный А. О. Львовъ; и то отчасти, въ примѣненіи къ особенностямъ нашего подлиннаго Русскаго дѣнія: тѣмъ не менѣе, и до сихъ поръ, вопросъ сей остается пока еще совершенно открытымъ. Прибавимъ, что лучшіе знатоки нашихъ дней исходили здѣсь обыкновенно изъ пѣнія «храмоваго», наиболѣе имъ знакомаго; видѣли здѣсь «на лицо», разумѣется, несимметричность или асимметричность (хотя собственно мѣра, метръ, опять совсѣмъ не то, что число); другимъ словомъ разнотактность; заключали отсюда ко свойствамъ «всего» нашего пѣнія, въ томъ числѣ «народнаго»; наконецъ, усматривая въ семъ послѣднемъ примѣры того же самаго (въ сущности непорочные или позднѣйшіе), а между тѣмъ извѣстную свободу, столь похожую на отсутствіе правилъ, обратнo восходили къ пѣнію храмовому и рѣшили, что въ немъ-то и есть типъ сей свободы, не поддающейся правиламъ симметричнаго ритма и составляющей будто бы исконную нашу Русскую особенность. Главная бѣда въ томъ, что творческую свободу и произвольность порчи или условность искаженія смѣшали здѣсь именно съ отсутствіемъ правилъ и законовъ: понятно, что Мезенецъ, въ его время, стоя прямо на сей точкѣ наличнаго пѣнія храмоваго, считавшагося кодексомъ всякихъ законовъ, не видалъ никакого повода разсуждать о тѣхъ законахъ, которые явственнo не отдавались въ его слухъ. Если въ семъ погрѣшалъ и нашъ князь Одоевскій, то Мезенецъ подавно не могъ даже предположить здѣсь грѣха и подумать объ освобожденіи. Лишь въ самое послѣднее время, Народное пѣснотворчество общаесть здѣсь снова оказать услугу для оцѣнки пѣнія Храмоваго: чѣмъ лучше и древнѣе народныя образцы, тѣмъ правильнѣе въ смыслѣ, о которомъ говоримъ мы, и тѣмъ очевиднѣе законы ихъ ритма въ сочетаніи съ первобытною творческою свободою. Съ ними только можемъ мы подняться до эпохи, когда тѣ же опредѣленные законы, вмѣстѣ съ народными основами музыки, поступили въ вѣдѣніе и развитіе области Церковной, а наконецъ и окрѣпшей Храмовой. Въ сей послѣдней мы не-

премѣнно отличимъ тѣ же основы, правильнаго ритма и опредѣленнаго, въ извѣстномъ объемѣ, такта: но только тогда, когда раздѣлимъ, что перешло къ Христіанству, вмѣстѣ съ Заветомъ Вѣтхимъ отъ народовъ другихъ, и что создано здѣсь пѣснопѣніемъ Грековъ, на языкѣ ихъ; когда изслѣдуемъ, что сложено у нихъ послѣднихъ стихосложеніемъ народнымъ, что искусственнымъ, и что прозою; что у Славянъ переведено отсюда со стиховъ, или съ прозы, дальнѣйшею прозою, и на сколько Русскіе ступили еще впередъ по условіямъ языка своего или общаго развитія. Довольно напомнить, что стихъ Еврейскій пѣлся Греками уже какъ проза; стихъ Греческій являлся опять прозою у Славянъ; а при переводѣ съ языка на языкъ, измѣнилось теченіе даже самой прозы: исторія Богослужебныхъ книгъ Русскихъ прибавила еще звѣно въ семь измѣненій текста. Размѣру же рѣчи вынужденъ былъ отвѣчать и соотноситься распѣвъ: судите, сколько ступеней долженъ былъ пройти, ритмъ. Однако, всмотритесь въ исторію этой области, различая ступени: и, чѣмъ ближе образцы къ народному складу или размѣру стиха, тѣмъ опредѣленнѣе будутъ отличія музыкальнаго ритма; отличія сии будутъ теряться лишь тамъ, гдѣ господствуетъ проза и рѣчь чисто-книжная, искусственная. Но и тутъ потеряются не совсѣмъ, только для перваго взгляда и слуха: отдѣлите растяженія или сокращенія, гдѣ мѣръ звуковъ подлаживался къ прозѣ и книжности или новымъ условіямъ при переводѣ, — и вамъ останутся еще, какъ жемчужныя зерна, отрѣзки, грунны, пожалуй, назовемъ, музыкальныя фразы типическія, отвѣчающія складу основному, то есть народному, и его опредѣленнымъ законамъ ритма. Будемъ лишь помнить, что отрѣзки эти въ области храмовой не имѣютъ непрерывной послѣдовательности; они прерываются въ своемъ теченіи — и отнюдь не свободою творческой, — напротивъ условностью употребленія, необходимостью звука слѣдовать за рѣчью, и смысломъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ непрестанно мѣнять ритмъ; то подлаживая его, то покидая одинъ, для вынужденнаго другаго. На оборотъ, такой необходимости, присущей всякому историческому искусству, въ томъ числѣ и храмовому, вовсе не имѣетъ первобытное, пѣснотворчество народное, въ лучшихъ и древнѣйшихъ образцахъ своихъ: здѣсь изначала и извѣка стихъ нераз-

ривенъ съ содержаніемъ и слономъ, со стихомъ размѣръ и складъ, со веѣмъ этимъ распѣвъ и пѣнѣвъ, съ нимпъ звукъ сопровождающаго орудія; ритмъ возстаеъ здѣсь передъ вами во всей точности и опредѣленности, во всей симметрии. Стало быть, съ этой стороны регулирующимъ указателемъ выступаетъ уже пѣніе народное. А такъ какъ, мы рѣшили прежде, вліяніе его было неотразимо у насъ на всю церковную и храмовую область, при томъ наибъ складъ народный, какъ все первобытное, основанное на естествѣ и творчествѣ природномъ, сближается съ таковымъ же народнымъ складомъ у Грековъ, у Евреевъ и у какого угодно народа выше или шире: то вотъ прямой путь, чтобы искать и открывать слѣды сего склада въ теченіе всей исторіи, которую представляетъ намъ послѣдовательное пѣніе храмовое. Они-то и связуютъ собою, какъ звѣнья и переходы, постепенность музыки храмовой: связь въ ихъ рукахъ и отъ нихъ зависитъ. Въ той или другой эпохѣ, формѣ и книгѣ храмовой выдаются они отрѣзками, подчиняясь новому условному употребленію, то какъ будто теряясь въ семь послѣднемъ, то оцутительно выступая, то приобретаая новую постановку и дальѣйшее развитіе: уже не въ смыслъ первобытнаго творчества, а условнаго храмоваго искусства. Слѣдовательно, среди области храмовой, отрѣзки подобнаго склада, ритмическаго и опредѣленнѣйшаго, въ ряду другихъ сочетаній, если не враждебныхъ съ нимп, то по крайности разившихся совѣмъ иначе, предстанутъ, мы скажемъ, зерномъ или — такъ сказать — монограммою: церковные «гласы» съ ихъ столпами суть именно извѣстная крупная монограмма въ семь родѣ; та или другая фраза, «отличающая» гласъ (припомнимъ хоть заключеніе гласа 2-го въ отличіе отъ 1-го на «воззвахъ»), фраза, обособляющая мелодію и складъ, есть онять та же монограмма. Монограммѣ же звуковаго сочетанія прямо отвѣчала монограмма въ начертаніи: знаменная система собственно вся есть совокупность извѣстнаго ряда монограммъ, изъ коихъ каждая отвѣчаетъ той или другой, болѣе краткой или длинной, музыкальной фразѣ, а эта каждая фраза въ отдѣльности есть своя единица «опредѣленнаго ритма». Единиць такихъ много, видовъ ритма не одинъ: кажущаяся свобода здѣсь — есть частая смѣна одного ритма другимъ; дѣйствительная необходимость — заставляеъ слѣдовать законамъ условнаго употребленія, исторіи-

чески развивагося въ храмѣ. Посему конечно нельзя уже найти здѣсь ритма единственнаго или господствующаго повсюду; въ разницѣ частныхъ тактовъ ускользаетъ отъ слуха единство и не приглашаетъ пскателя къ законамъ; изслѣдователь принужденъ на первыхъ порахъ «перечислять» разные виды, и только разнѣ группировать однородныя фразы, растолковывая ихъ условное употребленіе: однимъ словомъ, стало быть, и въ мѣрѣ звуковъ, и въ области ихъ начертаній, на примѣръ въ древнихъ нашихъ знаменахъ, трактовать каждую фразу и каждое знамя, а тѣмъ больше сложное, *какъ монограмму*. Монограмма и есть знакъ условнаго, частнаго употребленія, въ каждомъ случаѣ порознь: лишь бы только уяснить ея значеніе, указать, какъ она *употребляется* и какъ на самомъ дѣлѣ слѣдуетъ ее *пропѣть*. Такъ оставалось поступить и добросовѣстному Мезенцу: это и сдѣлалъ онъ во *Второмъ* Отдѣленіи своего труда и въ *первыхъ двухъ частяхъ* Отдѣленія *Третьяго*. — Сперва (во 2-мъ отдѣленіи) перечислилъ онъ всѣ почти единичныя знаки знаменной системы (по нашему ноты), показавши способъ пѣнія каждаго, при той или другой помѣтѣ, въ томъ или другомъ гласѣ, даже и въ одномъ, но смотря по сочетаніямъ и отношеніямъ, а также въ той или другой пѣвческой книгѣ (ибо пѣвственно, иное осмогласіе въ стихирахъ, иное въ прмосахъ и т. д.). Наконецъ (въ 3-мъ отдѣленіи) перебралъ всѣ сочетанія, составляющія болѣе крупную отдѣльную фразу (отъ двухъ до пяти нотъ): то, что называлось «лицами», а у Мезенца внутренними «образами», составляющими сущность пѣнія и отличие всякаго гласа по всѣмъ его употребленіямъ, «отличіе гласовное.» Это, такъ сказать, хрестоматія мелодическихъ отрѣзковъ. Послѣнку же и монограммы для сего были вычурнѣе, сложнѣе, потому Мезенецъ, выбравши съ одной стороны перерисовалъ ихъ, какъ есть, съ другой рядомъ (на лицо и на взглядъ) прибавилъ для каждой «разводъ:» уже не въ прежнемъ смыслѣ, не какъ варіацію, попѣвку или хитрую «енту», допускавшую произволъ варіировать по велѣнію «хабувы,» но именно съ точнымъ указаніемъ, *какъ «развести» монограмму—«енту» или «лицо»—пѣ дѣйствительно пѣнія, какимъ способомъ слѣдуетъ пропѣть ихъ правильно и вѣрно*. Монограмма распалась здѣсь на «дробь,»—дробныя знаки, которые отвѣчали Мезенцовою системѣ и по которымъ

легко было пѣть со всею отчетливостью. Правда, въ Грамматикѣ онъ это примѣнилъ, какъ примѣръ, только къ Прологу: но то же самое обѣщаетъ здѣсь совершить для прочихъ пѣвческихъ книгъ, и, разумѣется, совершилъ въ нихъ; ибо, увидимъ ниже, мы получили изъ подъ руки его самыя книги, главнѣйшія по употребленію, съ такою же точно обработкой, съ принцискою имъ сдѣланныхъ точныхъ «разводовъ» при каждомъ начертаніи, болѣе или менѣе хитромъ въ своей условности. Этими на всегда пресѣченъ путь безконечнымъ варіациямъ и произволу ихъ: тѣ начертанія, куда укрывались онѣ подъ покровъ и откуда вырывались на безграничный просторъ, произнесены теперь опредѣленною музыкальною рѣчью, отселѣ неизмѣнною и обязательною для всякаго свѣдущаго пѣвца. Твореніе Мезенца, о которомъ говоримъ мы, есть твореніе за все вѣка и на все вѣка нашего Церковно-Храмоваго Пѣнописанія.

Конечно, всего этого нельзя было исполнить при свѣтѣ одной теоретической науки или съ помощію одного прикладнаго знанія, практическаго опыта, хотя бы столь обширнаго, какимъ отличался Мезенецъ: ему нужна была *исторія*, и онъ не только прилипкъ къ ея дѣйствительности со всею жаромъ испытателя, не только прочелъ ее готовую на данныхъ страницахъ, но самъ ее вызвалъ къ жизни на бѣлый свѣтъ Русскій, самъ оповѣстилъ ее историческимъ словомъ. Историческое знамя пѣвческой науки явилось впервые только у Мезенца, водружено его первыми руками. Не довольствуясь рукописями ходячими, онъ отыскалъ, собралъ, привелъ въ порядокъ, изучилъ и исчерпалъ рукописи всего предшествовавшаго времени, восходя до харатейныхъ, до знаменныхъ списковъ XIII, XII вѣка и, вѣроятно, еще далѣе: уцѣлѣвшія до насъ, и конечно трудомъ его всего ближе сбереженные для Москвы, пѣвческія рукописи старшихъ вѣковъ свидѣтельствуютъ доселѣ, что изъ нихъ-то и занималъ онъ свои основныя данныя, свои подлинныя образцы. «Сіе таинственное (говоритъ онъ въ одномъ случаѣ), сирѣчь скрытое, и сократительное знамя (условіяя монограмма сокращеннаго знака для выраженія существенныхъ «образовъ») учинено, и спискано (изобрѣтено), и сими имени прозвано—прежними Словено-Російскими пѣнопочитатели и знаменотворцы, до настоящаго сего времени за четьреста лѣтъ и вяше. Попеже во многихъ

ХАРАТЕЙНЫХЪ ПРМОЛОГИХЪ, И ПРОЧАГО ЦЕРКОВНАГО ПЪНІЯ СЪ СИМЪ ЗНАМЕНЫМЪ КНИГАХЪ, ОБРЪТОХОМЪ ЛЪТОПИСНАЯ ПОДПИСАНІЯ: КТО КОТОРУЮ ЗНАМЕННАГО ПЪНІЯ КНИГУ ИНАСАЛЪ И ЯЖЕ ВЪ НЕЙ ПИСАННАЯ ЛЮБОТРУДСТВОВАЛЪ (СОВЕРШИЛЪ МУЗЫКАЛЬНЫЕ ТРУДЫ, ПРЕДАННЫЯ ПИСЬМУ), И ВЪ КОЕМЪ ГРАДЪ, ИЛИ МОНАСТЫРЪ, И ВЪ КОТОРОЕ ВРЕМЯ, И ПРИ КАКОВОМЪ ЛЮБО СЛУЧАИ.» Дѣло, совершенное Мезенцомъ на такихъ основаніяхъ, очевидно не ёсть личное изобрѣтеніе или талантливый вымыселъ, напротивъ жизненный плодъ всей предыдущей исторіи: историческое воспроизведеніе подлиннѣйшихъ образцовъ храмоваго и церковнаго пѣснопѣнія Русскаго, изъ вѣковъ мпцувшихъ до послѣдней текущей минуты сознательнаго искусства, съ отчетливой лѣтописью сего послѣдовательнаго хода въ наглядномъ ряду уцѣлѣвшихъ памятниковъ.

Наконецъ, съ помощію тѣхъ же рукописей за всѣ прошлые вѣка, Коммиссія, сосредоточенная вокругъ Мезенца, получила возможность завершить послѣднее великое дѣло, предназначенное ей царемъ и постановленіемъ соборнымъ: перевести Богослужебный текстъ и пѣніе его «на правую истинную рѣчь» или просто «на рѣчь (терминъ сей уже объясненъ нами прежде).» Для этого, исключивши изъ своихъ занятій всю область «хомовую», какъ переходную или искаженную, она *возстановила* текстъ подлинный и древнѣйшій, по харатейнымъ—пергаминамъ рукописямъ, въ томъ видѣ, какъ мы приняли отъ Южныхъ Славянъ: но *прочла* сей текстъ точно такъ, какъ произносила Русскій языкъ и говорила современная рѣчь XVII вѣка. Слѣдовательно, въ упомянутыхъ нами примѣрахъ, оказалось теперь: «согрѣшимъ(ъ), какъ и теперь, оставленъ безъ произношенія), беззаконновахом(ъ) —но не предажд(ъ)» или «не предай(и) уже не составляетъ слога и не требуетъ особой ноты) нас(ъ) до конца;» или «спас(ъ)» вмѣсто правописанія древняго «сънасъ» и хомоваго «сонасо;» «внуче» вм. «вънуче» и хомоваго «вонуче,» и т. п. Что касается тѣснѣе словеснаго текста, въ этомъ помогли и Крутицкое Братство, и Московская Типографія, одинаково занятія въ ту пору исправленіемъ текста для печати: въ дѣлѣ же пѣвческомъ руководила здѣсь система и рука Мезенца. Хомовыя растяженія пали сами собою, какъ скоро введены были въ точную опредѣленную мѣру существенныя лица, образы и гласов-

ныя отличія;» излишекъ частныхъ знаменъ или потныхъ знаковъ, отвѣчавшій лишнимъ гласнымъ и слогамъ, въ древнемъ правописаніи по типу Юго-Славянскому, легко было сократить и вовсе устранить, какъ скоро древнія сложныя монограммы «разведены» были Мезенцомъ по своимъ составнымъ частямъ и цѣлыя крупныя числа звуковъ превращены въ поманутую «дробь:» то есть, по новой системѣ, осталось только перевести, на примѣръ, ноту съ одного слога на другой по произношенію или тогдашнему ударенію, несколько не измѣняя существеннаго музыкальнаго типа, гдѣ нужно—слить двѣ ноты въ двойную, гдѣ нужно—разложить одну на двѣ кратчайшихъ и т. н.

Съ тѣхъ поръ, важнѣйшія колебанія и смуты, выше нами очерченныя, а вмѣстѣ, отвѣчавшую имъ груду рукописей, разнорѣчій, отдѣльныхъ способовъ и вріемовъ пѣнія, болѣе менѣе оказавшихся теперь временнымъ промежуткомъ, все это—сняло какъ рукой: на самомъ дѣлѣ, видимъ, это время снято съ Церкви могучей рукою Мезенца и силами его сотоварищей, конечно даровитыхъ же, но поблекшихъ при такомъ величавомъ имѣніи и лицѣ; не даромъ акростихъ, сопровождавшій письменные труды ихъ, гласитъ, что «трудился Александер Мезенец и прочии (мы даже не знаемъ съ точностью ихъ званій).» Вмѣсто всего смущавшаго и соблазнявшаго, мы получаемъ рядъ отлично писанныхъ, точныхъ и опредѣленнѣйшихъ рукописей, обнимающихъ весь кругъ Богослужебнаго пѣнія, по тексту и музыкальнымъ знакамъ, согласно выработанной и намъ известной уже системѣ Мезенца. Сразу мы стали на высоту первыхъ вѣковъ нашего Православія: но вмѣстѣ съ тѣмъ въ уровень текущей минутѣ XVII вѣка, языку его, рѣчи, слову, произношенію, ударенію, искусству пѣнія и сознательному, научному употребленію. Явленіе до того было могущественно, до того покоряло своимъ неотразимымъ вліяніемъ, что безирекословно водворилось въ Церкви: оно повторилось даже черезъ сто лѣтъ послѣ, въ печатныхъ Синодскихъ книгахъ, на линейкахъ и съ начертаніями условныхъ «церковныхъ нотъ,» а слѣдовательно до нашихъ дней какъ непрерываемый памятникъ. Въ свое время, при первомъ водвореніи, сопровождаемое поманутыми «студіями» опытовъ «строчныхъ» и «линейныхъ,» оно сосредоточено на рукописяхъ «безлинейно-знаменныхъ,» съ «при-

знаками» Мезенца, узаконенными отъ него «помѣтами,» обновленнымъ Русскимъ «праворѣчіемъ» и прочими чертами, по которымъ такъ легко всюду узнать и отличить ихъ. Но эти особенности, ознаменовавшія трудъ Комиссіи и Школу Мезенца, послужили конечно достаточнымъ руководствомъ для историческихъ выводовъ Дм. В. Разумовскаго, и однако же оставляли нѣсколько сомнѣній касательно прямого участія въ нихъ главнаго дѣйствующаго лица: рукопись безцѣпная, открытая и тотчасъ приобретенная нами въ 1863 году ⁽¹²⁾, собственноручная рукопись Мезенца, гдѣ, съ подписью своего имени, «распѣлъ» онъ текстъ и самъ выставилъ надъ нимъ все знамена своей системы, сняла послѣднюю тѣнь несправедливости и убѣдила, сравненіемъ тождественной руки, что все почти однородныя нѣвческія произведенія означеннаго ряда, въ третьей четверти XVII столѣтія, вышли изъ подъ одного художественнаго просмотра, пера и почерка, если не всегда по тексту, который писанъ нѣсколькими руками, то вездѣ по распѣтой рѣчи, по разстаканнымъ знаменамъ, признакамъ и помѣтамъ, по крайности по припискамъ и музыкальнымъ отмѣткамъ съ поля. Всюду одинаково мы встрѣчаемъ его неизмѣннаго, и не въ однихъ наличныхъ данныхъ извѣстной эпохи, но и въ ея послѣдствіяхъ, не только въ области Единой Русской Церкви, огражденной отсель навсегда столпами опредѣленнаго, разумно-понятаго гласа, но и въ тѣхъ притворахъ, куда уклоняются нѣкоторые чада ея: и тамъ достигаетъ ихъ оглашеніе отъ того же поучающаго гласа. Отвращаясь общихъ нововведеній, но, вопреки ожиданію, встрѣтивши въ данномъ случаѣ воскресшую сѣдую древность, старообрядцы, соблюдавшіе священство, успѣли унести съ собою въ свои убѣжища тотъ же самый истинно-рѣчный текстъ нѣснопѣнія, употребительный у нихъ досель и знаменованный въ началѣ Мезенцомъ: если при этомъ не вездѣ сохранилась точность соответственныхъ нѣвческихъ размѣтъ, то по крайности легко убѣдиться, и обличеніе все въ лицо, что виною этого тысячи переписчи-

¹²⁾ Мы своевременно извѣстили объ томъ въ „Днѣ“ 1863 и въ 6-мъ выпускѣ „Кал. Перехож.“ 1864 года. Единственный сей памятникъ мы рассмотримъ вкратцѣ еще ниже.

ковъ-старобрядцевъ, постепенно искажившихъ руку Мезенца. Съ другой стороны, сравнительно немногимъ опоздавшіе и послѣдовательно отринувшіе священство, такъ называемые Поморцы и имъ подобныя вынуждены были воспользоваться рукописями мѣстными и областными, стоявшими внѣ средоточія Московскаго и объединяющей его силы: у нихъ долго тянулось пѣніе хомовое по знакамъ хомовымъ. Тѣмъ не менѣе, существовавшая рядомъ, даже у ближайшихъ священствующихъ собратій, истинно-рѣчная система съ ея знаменами отъ руки Мезенца, такъ убѣдительно и неотступна въ своей истинѣ, что она являлась постоянно укоромъ и превозмогла въ наши дни: пѣніе хомовое не потянется дальше нѣсколькихъ лѣтъ и падеть предъ успліями Пресображенцевъ, которые, разъ основавшись въ Москвѣ, къ концу самостоятельности ихняго кладбища предложили согласникамъ своимъ опыты неизбѣжнаго исправленія, пути возврата изъ тяжкаго плѣна раздѣльнорѣчій. Такъ въ самомъ разсѣяніи, почва, воздѣланная Мезенцомъ, понесла и несетъ въ себѣ сѣмя возсоединенія: Москва и церковный престолъ Московскій возвратили себѣ, этимъ дѣломъ, на время было утраченную, Все-Россійскую силу спасительнаго объединенія. Органъ единого гласа остается однимъ изъ самыхъ прямыхъ орудій для дѣйствія на Православную душу и на пѣвучую природу Русскую.

Торжествуя память столь многихъ своихъ подвижниковъ, Церковь Русская не можетъ забыть такого громаднаго подвига, каковъ представляется теперь нашему взору и слуху: теченіемъ судебъ она призывается испытать, испытавши торжествовать честныя и досточтимыя имена, если не личные имена, то увѣчанныя годы и лѣта, если не лѣта и годы, то совершенныя въ кругѣ числа великія дѣянія и вѣковѣчные плоды ихъ. По нашему закону и обычаю, равно народному и церковному, «прочіе» сотоварищи скрылись за именемъ передовымъ: передовой пинокъ Александръ, подобно сподвижникамъ Донскаго, скрывается подъ сѣнію водруженнаго имъ церковнаго знамени. Знаемъ только, что Мезенецъ былъ одноземцемъ великаго Ломоносова; видимъ изъ работъ его, что онъ прошелъ образовательную школу Западной Руси, но, какъ вступилъ въ нее, такъ и вышелъ изъ нея Великоруссомъ, а кончилъ Москвичемъ ¹³⁾. Са-

¹³⁾ Подробнѣе о томъ при 6-мъ выш. „Кал. Перехожихъ.“

мый годъ кончины его неизвѣстенъ, бытописание обходило, какъ нарочно, все личныя условія его и обстоятельства: опредѣляется лишь число и годъ совершеннаго подвига. Не могъ легко достаться и сей послѣдній, не скоро подготовлялся, не быстро выполненъ, въ такой зрѣлости внутренней, въ такомъ широкомъ объемѣ: мы замѣчаемъ только предѣлы самые крайніе, когда завершился онъ въ числахъ и зрѣлымъ плодомъ отдѣлился отъ всего прошедшаго, для всего будущаго. Предѣлы, весьма впрочемъ точныя, таковы. Коммиссія съ полнымъ правомъ имѣла возможность заявить и отдѣлать свои подготовительныя работы только съ 1667 года, когда Соборное постановленіе узаконило исправленіе «на рѣчь», а нѣвческіе знаки новой точной системы могли быть примѣнены, какъ и дѣйствительно размѣчены, только при семъ «истинно-рѣчномъ» текетѣ: потому еобетвенное, специальное начало успѣховъ ея, торжественно себя заявившихъ, знаменуется и характеризуется вездѣ, по рукописямъ, *благословніемъ Иоасафа*, съ той же самой поры вступившаго на престолъ патріаршескій. Но дѣло само равнымъ образомъ связуется постоянно съ личностію *митрополита Сарскаго и Подонскаго Павла* (1664 — 75): оно могло поетунать впередъ единственно подъ покровомъ такого человѣка, въ своемъ просвѣщеніи соединившаго Русь древнюю и начатки новой преобразующейся, ири томъ етоль епльнаго, близкаго къ царю и управлявшаго церковью въ промежуткахъ Патріаршества, стало быть имѣвшаго все способы провести любимыя свои мысли и начинанія. Когда скончался Павелъ (9 Сентября 1675), въ слѣдъ за нимъ (19 Ноября) другъ его Епифаній, не всегда удачный дѣятель, но по крайности лучший еовѣтникъ книжнаго еправленія, а вскорѣ и самъ царь Алексій (подъ 30-е Января 1676), вызвавшій нѣвческую реформу грамотою своею и указомъ: предпріятыя дѣла, одинаково и по Крутицкому Братству, и по Московской древнѣйшей Типографіи, все почти остановлены и даже многія прекратились на всегда, а тѣмъ болѣе должно было остановиться на послѣдней точкѣ своихъ успѣховъ трудное возсозданіе подлинныхъ нѣснонѣй церковныхъ; по ечаетию, здѣсь такъ уже много было совершено, что дальше ити было некуда пока и не за чѣмъ. Съ воцареніемъ Феодора началась эпоха совсемъ другаго характера и повернула къ нему весьма быстро:

всемогуцій руководитель царя Полоцкій съ сотоварищами потяпулъ естественно къ родной своей музыкѣ Западно-Русской, съ ея партесомъ и линейками, съ ея искусственными стихотворными произведеніями въ Богослужебнаго текста; онъ даже оттяпулъ дѣятельность Московской Типографіи въ типографію «Верхнюю,» дворцовую, и вотъ почему, видѣли мы, подготовка знаменнаго печатанія, такъ сказать, застыла къ 1681 году и не знали хорошенько, что же съ нею дѣлать¹⁴⁾. Между тѣмъ, съ 1682 года начались политическія смуты съ рѣшительнымъ выходомъ къ Петровскому преобразованію, которое многосторонностью своей заслонило на долго все прочія спеціальныя предпріятія: Но и раньше того, столь внутренней и глубокой вопросъ Церкви, какъ вопросъ Пѣнопѣній, не могъ найти содѣйствія и даже пристальнаго вниманія — ни со стороны слабаго, кратковременно правившаго, патріарха Питирима (съ 6 июля 1672 года), ни даже ревностнаго, по своему дѣятельнаго преемника, Іоакима, который долгую, упорную энергію власти своей въ состояніи еще былъ обратить къ низверженію партіи Западно-Русской, но, среди послѣдовавшихъ, тревогъ, къ положительному переустройству въ какомъ бы то ни было отношеніи не имѣлъ ни достаточныхъ, выдающихся способностей, не засталъ уже и достойныхъ помощниковъ въ окружавшихъ лицахъ. Отъ того труды Комиссіи обыкновенно связуются въ написаніяхъ по одной сторонѣ съ именемъ помянутаго митрополита Павла, по другой съ именемъ *патріарха Іоасафа* и, по кончинѣ сего послѣдняго, *Февраля 17-го 1672 года*, дальше сего предѣла ни на кого другаго не переходятъ и ни къ кому не относятся. Слѣдовательно, разгаръ работъ, увѣнчанныхъ достойною славою въ ихъ время и великими послѣдствіями для всей Церкви, приходится *между 1667 и 1672-мъ годомъ*; завершилось же все это предпріятіе и дѣло до высоты, за которой не имѣемъ признака чему ни будь дальнѣйшему въ томъ же родѣ, *къ веснѣ 1672 года*: къ той веснѣ, когда родился творецъ Новой Россіи. Двухсотлѣтнее, намъ предстоящее, празднество года и мѣсяца рожденія

¹⁴⁾ Подробности о семъ переворотѣ въ „Прав. Обзорѣніи:“ „Юрій Крижаничъ.“

Петрова совершенно совпадаетъ, по году и мѣсяцамъ, съ двухсотлѣтїемъ возсозданнаго Церковнаго Русскаго Пѣснопѣнія. Отъ насъ уже самихъ, Русскихъ, зависить: соединить ли съ праздникомъ государства, общества и народа собственное торжество свое Русская Церковь, благословившая иѣкогда новорожденнаго царственнаго младенца готовымъ даромъ своего духовнаго иѣснотворчества, творенія многихъ вѣковъ, достойно законченнаго искусствомъ и наукою. Встрѣченное кликами семейной радости; рожденіе Петра встрѣчено одинакою и народною пѣсней, до насъ уцѣлѣвшею въ неизмѣнимомъ словѣ и напѣвѣ; но оно встрѣчено также и голосомъ, несравненно болѣе торжественнымъ: въ Москвѣ и священномъ Кремлѣ, отъ лица Церкви, между двумя ея патріархами, только что скончавшимся и еще вновь непоставленнымъ, при старшемъ тогдашнемъ предстоятелѣ Митрополитѣ Павлѣ, Церковный Русскій Гласъ былъ первымъ торжественнымъ гласомъ, который раздался надъ колыбелью младенца, въ молитвахъ благодарнаго отца среди соборовъ, надъ купѣлью его и надъ руками, принесшими его къ алтарю. Должно думать, что тѣнь—съ тѣхъ поръ давно уже Великаго, чрезъ двѣсти лѣтъ еще болѣе возросшаго во взорахъ нашихъ, не отеклась бы отъ подобнаго дара изъ устъ благодарныхъ потомковъ. Для Петра, сколько мы знаемъ его, было бы чему здѣсь вновь порадоваться: и торжеству Православія, которое простирается нынѣ на весь внимающій міръ, и церковному миру внутри, и наукѣ, столь любимой Петру наукѣ, которая проникла въ наши дни до глубочайшихъ тайниковъ церковнаго устройства — до требованій истиннаго и подлиннаго иѣснопѣнія.

Въ сущности дѣло было закончено и по сущности доселѣ передъ нами остается такимъ же вѣковѣчнымъ памятникомъ, которому мы ждемъ, но еще ясно не видимъ впередъ путей движенія и условій развитія. Оставался вопросъ *водворенія и примѣненія*: а здѣсь на первый планъ выступали принесенныя къ намъ строки «линейныя», съ начертанными въ нихъ «нотами.» Мезенецъ показалъ опытами возможность перевода знаменъ на линейныя ноты, но самъ за это не брался, занятой болѣе важнымъ и основнымъ. А между тѣмъ легкость этого новаго способа начертаній для обученія начинающихъ; «школы,» нуждавшіяся въ томъ и основанныя у насъ, въ новомъ техническомъ

смыслъ, на смѣну прежнихъ «училницъ» трудами многочисленныхъ пришельцевъ; наконецъ водоворотъ политическихъ и общественныхъ событій, не позволявшій пускаться въ глубь и вынуждавшій торопиться простѣйшимъ примѣненіемъ наиболѣе необходимыхъ началъ: все это вызвало, на поприще текущихъ событій и отвѣтъ запросамъ, третьяго приснопамятнаго дѣятеля, Тихона Макарьевского. Третій въ семь славномъ ряду послѣ Шайдурова и прямой приверженецъ школы Мезенца, преемникъ сего послѣдняго по времени и дѣлу, землякъ Минина по происхожденію, келарь—по особымъ порученіямъ—Савинскаго монастыря (1680—89), душеприкащикъ послѣдняго патріарха Адріана (1700), казначей патріаршаго дома (1695—1704), ближайшій современникъ Петра Великаго¹⁵⁾, Макарьевскій, не пзмѣняя, напротивъ соблюдая въ строгости Мезенцово дѣло, въ теченіе долговременныхъ и трудолюбивыхъ занятій своихъ совершилъ успѣшно переводъ знаменной области въ видимыя линейки; установилъ, съ нѣкоторыми улучшениями выбора, приписанныя къ намъ линейныя начертанія или ноты, съ тѣхъ поръ получившія техническое именованіе «церковныхъ;» написалъ сохранившійся по рукописямъ «Ключь», гдѣ сопоставилъ линейныя ноты со знаками безлинейными, взаимно ихъ объяснивши другъ другомъ; подготовилъ и оставилъ намъ текстъ, словесный и нотный, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ, по основамъ Мезенцевскій, по обновленной формою, вошелъ впоследствии въ наши печатныя нотныя изданія.

Эта знаменитая тріада нашихъ дѣятелей обнимаетъ, такимъ образомъ, въ своей дѣятельности всю область нашего Церковнаго-Храмоваго Писнописія, выражая послѣдовательныя ступени ея развитія и своими именами обозначая прямо ту или другую эпоху, ту или другую полосу своеобразныхъ явленій, тотъ или другой рядъ соответственныхъ пѣвческихъ памятниковъ. Средоточіемъ является главный—Мезенецъ, со второй половины XVII вѣка до вершины 1672 года и рожденія Петрова: къ нему, съ верху, отъ Грознаго, Макарія и Стоглава идетъ Шайдуровъ; послѣдуетъ же за Александромъ Макарьевскій, какъ выразитель

¹⁵⁾ Погребень въ Макарьевскомъ Желтоводскомъ монастырѣ

самой эпохи Петровской. Стоитъ взять любой церковный пѣвческій памятникъ, лишь бы характерный, съ конца XVI-го и въ началѣ XVII вѣка,—вы будете слышать передъ собою исполненіе трудовъ Ивана Акимовича; возьмете ли лучший и исправленный изъ 3-й четверти XVII вѣка, — вы, не говоря о неизбежныхъ собственноручныхъ подписяхъ знамени, получите въ звукахъ произведеніе Мезенца; исполнено ли будетъ церковное пѣніе по потно-линейной рукописи Петровской,—въ вашемъ слухѣ такъ или иначе непременно отдастся память трудолюбиваго Тихона. Вотъ почему, между прочимъ, покойный, князь В. О. Одоевскій, при его глубокихъ свѣдѣніяхъ, на органѣ съ примѣненіями собственнаго его изобрѣтенія, не сомнѣвался исполнять извѣстнаго рода историческія церковныя произведенія, называя ихъ прямо Шайдуровымъ, Мезенцомъ, Макарьевскимъ, въ особенности позволяя себѣ гармонизировать сего послѣдняго, какъ ближайшаго къ намъ по искусству. Пользуясь терминами нашей области, мы могли бы назвать перваго «завукомъ» или «занѣвомъ», втораго самимъ «звукомъ» и «пѣспопѣіемъ», третьяго «пазвукомъ» и «припѣвомъ;» или одного голосомъ, другаго мелодіей, третьяго завершительною гармоніей. Одному отдали бы мы въ отличіе «помѣту,» другому въ руки самое «знамя,» третьему «линейку» и «ноту» для руководства въ обученіи.

При всемъ томъ Мезенецъ оказалъ еще услугу, и громадную. По сему поводу намъ пріятно замѣтить, что Дм. В. Разумовскій, прежде съ нами не соглашавшійся въ данномъ случаѣ и подробностяхъ, при 2-мъ полиграфическомъ изданіи своей «Исторіи (1868 г.)» принялъ, повторилъ и, какъ ожидалось, превосходно развилъ мнѣніе, впервые прямо высказанное нами 1864 года въ 6-мъ выпускѣ сборника «Стиховъ:» о томъ, что «пѣніе *Демественное*» или, короче, «*Демество,*» это замѣчательнѣйшее явленіе нашей древней жизни,—въ основѣ своей, въ отличіяхъ отъ «Церковнаго-Храмоваго,» во взаимодѣйствіи съ нимъ послѣднимъ и въ обоюдныхъ вліяніяхъ, наконецъ съ теченіемъ времени въ развившихся особыхъ даже начертаніяхъ, а тѣмъ болѣе въ своеобразномъ употребленіи, есть именно наше древнее пѣніе *Церковно-Народное* и *Домашнее*. Этими за разъ и окончательно пало ошибочное предположеніе прежнихъ знатоковъ и ученыхъ, которые то смѣшивали Демество съ главнымъ Знаменнымъ Столповымъ, то вели

отъ Домѣстиковъ въ смѣслѣ предѣстятелей храмоваго клироса или Соборныхъ (Домъ) уставщиковъ: съ другой стороны, при правильномъ воззрѣніи, нынѣ столь доказательномъ, намъ пѣтъ уже нужды повторять того, что помянуто выше обо всѣхъ существенныхъ отнѣсахъ и соотношеніяхъ сего явленія, такъ что прямо, именуя по своему большинство его произведеній — «Стихами» духовнаго содержанія, то Общественными, то Домашними, смотря по употребленію въ Народной области между членами Церкви, мы теперь переходимъ къ снмъ Стихамъ, дабы сказать объ нихъ вкратцѣ послѣднее дополнительное слово. — Записанные къ намъ изъ Западной Руси, вмѣстѣ съ многочисленными и вліятельными выходцами, сочиненные и искусственные Стихи, подъ именемъ Псалмъ, Кантъ, Впршей и т. п., съ соотвѣтственными линейными нотами въ тетрадахъ, съ чуждыми пріемами гармонизаціи и партитуры, грозили у насъ совершить и дѣйствительно отчасти успѣли совершить то же самое, что сдѣлали съ Русью Западной: они дѣйствительно породили изъ себя, какъ тамъ, новую книжную литературу и поэзію письменнаго искусства, съ тѣхъ поръ, начавшая одами и кончая солдатскими погудками, усвоившую себѣ специальное названіе «стиховъ» и «стихотвореній.» Но они же, съ эпохи Феодора и могущественнаго Полоцкаго, притязали на область гораздо важнѣйшую: слава еще Богу, что, при всѣхъ попыткахъ, Симеону не удалось, даже при помощи особой типографіи, втиснуть эту массу, по Западному примѣру, въ чисто Церковный обиходъ и Храмовую книгу. Гений Петра положилъ строгіе предѣлы сему вліянію и на будущность нашей свѣтской литературы, обрушивъ гнилые мосточки, сцѣплявшіе насъ чрезъ Западную Русь, а правильнѣе чрезъ Польшу, съ остальною Западною Европой и прямо, смѣлымъ движеніемъ, сочетавши насъ съ сею послѣднею. Народъ, въ ту же самую пору преобразованій, ушедшій, какъ пзвѣстно, въ нижніе простые слои, унесъ туда отъ нависшаго чужаго вліянія старыя свои Стихи Общественныя и публичныя, доживавшіе и частію дожившіе до насъ въ устахъ народныхъ пѣвцовъ Перехожихъ. Если о чемъ оставалось здѣсь пожалѣть, то развѣ о томъ, что подобныя Стихи, въ отчужденіи своемъ отъ слоевъ высшихъ и образованныхъ, перестали вновь записываться въ словахъ и звукахъ, послѣ опытовъ XVII вѣка, и блюли свою самобытность среди естествен-

ныхъ колебаній устнаго слова или звука, не оставляя намъ прочнаго письменнаго документа. За то принесенныя тетрадки должны были со всею силою обрушиться своимъ заноснымъ духомъ на ближайшую по сродству духовную область Домашнюю, отчасти и ту Общественную, которая развѣртывалась въ новомъ обществѣ, вкушившемъ приманку, или простиралась изъ тогдашняго зажиточнаго дома и полуобразованной семьи на публичную Школу, на Войско, на Дворъ, на Подворья и весь обиходъ Владыкъ. Демество въ очертаніи сихъ границъ быстро уступило, самые памятники его, безъ того уже избитые древнимъ и частымъ употребленіемъ, на значительнѣйшую долю исчезли, новаго творчества въ томъ же родѣ не поднималось (и вотъ причина загадочности, которая съ тѣхъ поръ до нашихъ дней прикрывала разумнѣіе демественныхъ отличій). Впрочемъ, передовыя Русскія семьи, съ той же эпохи обритуя или обштыя новымъ покровомъ, охваченныя полусвѣтомъ совершенно новаго быта, охотиѣ обращались отъ псалмъ прямо къ литературѣ чисто-свѣтской, а со временемъ возвращались и къ мірской — хотя бы полупародной еще — пѣснѣ, распространявшейся помощью новыхъ, семейныхъ, рукописныхъ и вскорѣ печатныхъ, «Пѣсенниковъ (объ нихъ замѣчено выше).» Войско также измѣнило своимъ древнимъ «Стихамъ Воинскимъ», но не долго могло продержаться и на пышныхъ кантахъ, повернувши отъ нихъ къ испорченнымъ, а все же сроднымъ болѣе, «пѣснямъ» Солдатскимъ. Дворъ заинтересовался глубже привлекательною драмой и оперой, легко замѣнившію кратковременное господство Западнорусскихъ полу-духовныхъ Мистерій съ ихъ Виршами. Тѣмъ пассивнѣе поддавалось пришлому наше Духовенство, особенно высшее: примѣръ Полоцкаго здѣсь не изсякъ, оплодотворился. Владыки, изъ коихъ дѣятельнѣйшіе и наиболѣе энергичные были родомъ и воспитаніемъ изъ Западной Руси, сосредоточили вокругъ себя, въ дому, на подворьяхъ и при торжественныхъ пріемахъ или выходахъ, представленіе принесенныхъ Мистерій, сочиненіе — подборъ музыки — разнообразное исполненіе Кантъ, Псалмъ, Виршей, вымышленныхъ Стиховъ и напыщенныхъ Пѣснопѣній: необходимые при нихъ хоры своихъ пѣвчихъ и учились тому, и обучали, и разносили вокругъ по всеѣмъ направленіямъ. Зависѣвшія отъ нихъ же такъ или иначе новыя Школы, первоначально для духовенства или съ

духовенствомъ же во главѣ, а особенно подъ руководствомъ тѣхъ же выходцевъ преподавателей, инспекторовъ и ректоровъ, Академій и послѣ разныхъ Академій, развѣтвившіяся Семинаріи, а за ними всѣ среднія и высшія училища, долго продолжавшія налагать свой типъ и на возникшія позднѣе заведенія свѣтскія, приютили въ стѣнахъ своихъ, усугубили, приумножили и возростили высокимъ ростомъ то же самое сокровище, и съ тѣми же процентами, какъ на Западной Руси. Тутъ были свои хоры и музыканты, помимо дикаго текста, испорченнаго и портившаго дальше нашъ языкъ, съ тѣмъ же завываьемъ «верхнихъ нотокъ» и закинутою для нихъ къ верху головою, съ тѣмъ же ревомъ партеса и прелестью гармонизаціи, наивной безпощадно, съ тою же пестротою выдержекъ Нѣмецкихъ, Итальянскихъ, Польскихъ, композиторскихъ и народныхъ, съ добавкою еще полу-Русскихъ, особенно свирѣнствовавшихъ въ Москвѣ. Отсюда же воспитывались обществу стихотворцы-писатели и художники-сѣваки или музыкеры, отсюда самодовольные и самоуверенные регенты на всю Россію; отсюда же, со скамьи и пѣвческихъ подмостковъ, возвращались домой дѣти бѣлаго духовенства, и оно, хотя позднѣе, хотя не безъ отпора, настраивало на тотъ же ладъ свои домашнія «гусли» инструментъ, столь отличный отъ нашей древности и, хотя лучший, чѣмъ нынѣшнее совершенное отсутствіе, тѣмъ не менѣе принесенный къ намъ Жидами черезъ Польшу. Наконецъ отсюда же, посредствомъ разныхъ преломленій единаго луча, разбродившіяся повсюду «вольные» пѣвческіе хоры, смѣнившіе въ своемъ родѣ Калѣкъ Перехожихъ народныхъ. Безконечно это длилось, почти полтора столѣтія, чуть не до нашихъ дней: послѣдній владыка, хотя разумнѣе другихъ поддерживавшій подобныя явленія вокругъ себя, былъ нашъ маститый Платонъ; послѣдній энергическій печатный протестъ, многихъ поколебавшій, слышанъ былъ противъ сего изъ устъ величаваго пастыря Евгенія; успѣли еще подивитъся этимъ странностямъ свѣтскіе люди образованные въ лицѣ послѣдняго кн. Одоевскаго; въ нашей коллекціи и въ нашихъ послѣднихъ изданіяхъ собрано много тому историческихъ памятниковъ, рельефныхъ данныхъ и примѣровъ. Теперь, когда это почти прошло, трудно повѣрить былому: и опять, если мы отсюда благополучно вышли, слѣдуетъ напомнить съ благодарностью сильную руку Петра, издали еще ука-

завшую намъ на возможный и легкій поворотъ при пособіи серьезной науки и подлиннаго, всей Европѣ общаго, искусства. Пока еще не дошло до позднѣйшихъ крайностей, при самомъ Петрѣ, какъ сейчасъ увидимъ, сдерживалось это въ мѣрѣ и границахъ: проскользало влияніе на пѣніе Хоровое, но послѣднее въ сущности читлось неприкосновеннымъ. За то, разумѣется, всеѣмъ симъ напоромъ и наплывомъ рѣшительно рушилось для насъ то посредство между Храмомъ и Домомъ, между Клиромъ-Клиросомъ и прочими членами Церкви, между самою Церковью и Народомъ или Обществомъ, то благое посредство, которое мы вспоминали и вспоминая привѣтствовали въ мѣрѣ Стиховъ древней Руси. Въ томъ или другомъ видѣ сберегли этотъ мѣръ у себя даже Католики, исключительно развили Протестанты и прочія реформированныя секты: мы, Православные, свое, несравненно лучшее, за ничто поставили и растеряли. А между тѣмъ, при возвратѣ сознанія, мы обязаны были разстаться и съ возделѣаннымъ пріемышемъ, на котораго промѣняли когда-то своего роднаго. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, какъ говорили мы, оказались гораздо привязчивѣе насъ старообрядцы. Сроднившіеся по началу, какъ все Русскіе, съ широкимъ употребленіемъ Стиховъ и, въ отдѣленіи отъ Церкви, да и отъ всякой регулирующей организаціи учрежденія, претендуя всего болѣе на свободный характеръ «Общества», а съ другой стороны, вмѣстѣ съ нами, вынужденные отказаться отъ разложившагося Демества, схватились они за то послѣднее, что могло имъ удѣлить тогдашнее общество Русское при уклоненіи ихъ на особицу. Они унесли оттуда, увы, тѣ же записные quasi-Стихи: переписали ихъ по Церковно-Славянски въ свои тетрадки; согласно господствовавшимъ пріемамъ XVII вѣка перевели линейки и ноты въ привычныя знамена и помѣты; «партесь» превратили въ «строки»; расплодили тысячами списковъ; подбавляли все текущее изъ облежавшей литературы; водворили въ семьѣ, обучили дѣтей. Самъ Аввакумъ, самъ Андрей Денисовъ, вплоть до Ковылина и нашего почтеннаго, старшаго современника Большакова съ Пискаревымъ, — все усердно подвизалось на семь, поприщѣ. Самое горькое разочарованіе, щедро отплатившее за допущенную рознь одиночества, ожидало пробуждающихся въ наши дни: не говоря уже о текетѣ, на примѣръ объ «одахъ», сюда

же, вмѣстѣ со стихомъ, проникшихъ, колеблясь чуткимъ музыкальнымъ ухомъ, который не могъ здѣсь не слышать рѣзкой противоположности съ подлиннымъ знаменнымъ пѣніемъ, усумнившись въ древности и авторитетъ повторявшагося отъ дѣдовъ напѣва, лучшіе знатоки и пѣвцы «старой вѣры» съ изумленіемъ узнаютъ отъ подозрительной науки «церковныхъ», что подъ знаменами и по помѣтамъ хранители старины распѣваютъ у себя, о ужасъ, католическую и протѣстантскую мелодію, краковякъ, мазурку или козачка. Стихъ строчный, чрезвычайно распространенный, на Вербное Воскресенье, при фразѣ «Лазаря воскреси Во единѣмъ словеси», оказалось, поетъ Нѣмецкую народную мелодію, послужившую въ наши дни характернымъ украшеніемъ «Дармштадтскаго марша!» Такихъ примѣровъ множество. Однимъ словомъ, участь, которую на Западѣ по неволѣ понесло на себѣ Протестанство съ прочимъ развѣтвленіемъ сектъ, по мѣрѣ отступленія отъ Церкви Католической, но вмѣстѣ съ непремѣннымъ послѣдствомъ всѣхъ ошибокъ и искаженій сей послѣдней,—ту же участь, и вдвойнѣ, потерпѣлъ расколъ нашъ, занявши себѣ не только просочившуюся къ намъ Польскую и Западно-русскую порчу, но кромѣ того все неблагоприятное изъ сердца Великой Россіи и Москвы. Мы своимъ путемъ, и скорѣе, и легче могли разстаться съ симъ заблужденіемъ, не призванные ни чѣмъ освящать его и закрѣплять на вѣки: тѣ, которые гордились симъ, какъ исконою старинной, не безъ дѣйствительнаго ужаса должны узрѣть шаткость своего оплота. И, какъ подобное же разувѣреніе обязаны испытать старовѣры, узнавая, что лучшее пѣніе ихъ зависитъ отъ Мезенца; какъ на Европейскомъ Западѣ, послѣдовательно за Лютеромъ все больше и больше «очищавшія» себя секты потеряли наконецъ послѣднюю тѣнь «Церковности» и среди своего «Общества» очутились, вмѣсто живаго преданія и вѣковыхъ твореній, съ уютною книжкою въ рукахъ, а въ книжкѣ съ собственнымъ недалекимъ измышленіемъ нѣсколькихъ мысленныхъ стихотвореній или съ немногосложными, черезъ чуръ уже простыми, звуками и нотами: такъ точно и наше старообрядчество, въ своихъ послѣдствіяхъ, породило изъ себя мелкія общества, поступательно отринувшія всякую связь со специальными, условными и освященными отличіями «старой вѣры.» Въ томъ

числѣ отброшенъ здѣсь и Стихъ, соблюдавшійся бережно подъ таинственнымъ «знаменемъ:» созданъ Стихъ новый, Стихъ не рѣдко весьма замѣчательный—пбо онъ Русскому таланту не новость и не диво,—но тѣмъ не менѣ Стихъ личнаго настроенія, ослабѣвшаго еклада, частнаго содержанія и сравнительно-узкаго объема. Онъ замѣнилъ собою и отрѣзалъ отъ текущей жизни многовѣковъый мѣръ Русской исторіи, богатый и обильный мѣръ высочайшихъ Церковныхъ Пѣснопѣній, источникъ священнѣйшихъ мыслей и чувствованій, сокровище науки и прогрессивнаго искусства. А можно ли въ самомъ дѣлѣ безнаказанно и чѣмъ ни будь замѣнить человѣку такой мѣръ? Можно, пожалуй, остаться человѣку безъ Храма, безъ Церкви, безъ собственнаго Народа, безъ Исторіи, безъ наслѣдованной Науки и безъ преданій Искусства: но только на минуту, чтобы тотчасъ же стремиться къ созданію, и снова пскать, и создавать вокругъ общество живое, творить мѣръ творческой, постигать наукою, зажить въ исторіи, опознаться среди народа, увѣрять съ церковью, вступить во храмъ. За чѣмъ же создавать и творить изъ себя, и кто задастся такою задачей, когда творчество само раньше насъ и давно существуетъ!

Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, теперь еще ближе намъ понятныхъ, получаетъ особенную силу трудъ Мезенца, дополнительный трудъ, къ которому переходимъ мы. Это — помянутая нами собственноручная его рукопись, имъ распѣтая и размѣченная знаменами; это обильный *Сборникъ Стиховъ*, собранный изъ всей окружавшей дѣйствительности XVII вѣка и изъ рукописей, очевидно болѣе древнихъ: сборникъ, быть можетъ, по тексту зависѣвшій отъ ревности другихъ, въ томъ числѣ пѣкаго «недостойнаго Григорія,» но во всякомъ случаѣ приковавшій къ себѣ полный интересъ Александра и введенный имъ въ общій музыкальный мѣръ Русскій. Деместву въ музыкальномъ отношеніи не могъ обязательно сочувствовать строгій знаменосецъ Мезенецъ; народному пѣнію не довѣрялъ онъ достаточно, усматривая въ тогдашнемъ недостатокъ условныхъ правилъ: онъ подвелъ всѣ Стихи подъ знамя столповое, съ тѣмъ вмѣстѣ подъ Гласы Церковные. Но это отнюдь не искаженіе, напротивъ полное торжество духовно-народнаго пѣва: добросовѣстный музыкантъ, Мезенецъ вынужденъ былъ признать нѣкоторые Стихи «трегласнымъ,» раздѣлить ихъ по частямъ на 2, на 3 гласа и

больше, на примѣръ пѣніе на 8-й, 6-й, 7-й и опять 6-й; — громкое свидѣтельство особенностей народныхъ, яркое подтвержденіе нашимъ выводамъ. За то онъ соблюлъ намъ, въ текстѣ и пѣвѣхъ, такіе Стихи, которые нынче исчезли уже изъ устъ и памяти народа: въ томъ числѣ *Застольныя*, которыми, въ духовномъ настроеніи, благолѣпно сопровождалась трапеза нашихъ предковъ, отъ пзбы до богатыхъ хоромъ; особенно же *Воинскіе*, тѣ, съ которыми чинно выступало на враговъ наше старинное войско, призывая помощь Божию, приглашая ратниковъ «стать за Вѣру Православную, за святыхъ обителей, за благовѣрнаго царя нашего и за всю Православіе.» Съ другой стороны пѣніе Стихи, здѣсь записанные, равно Общественныя (публичныя) и Семейныя, сохранились доселѣ въ устахъ народныхъ; эти образцы въ обоихъ видахъ пополняютъ другъ друга и непременно просятся на совмѣстное исполненіе: пѣніе устное отвергается гласовымъ-знаменнымъ, второе разъявляется первымъ, нынѣшнее роднится съ пѣніемъ пращѣдовъ два двѣсти лѣтъ, никѣмъ не записанное пріобрѣтаетъ письменный памятникъ себѣ изъ XVII вѣка. Все образцы у Мезенца, по тогдашнему состоянію пѣснотворчества Московскаго, въ особенности кратки, сжаты, законченны и отличаются высокою простотою изысканства. Изъ нихъ въ частности, Домашніе почти неизвѣстны теперешнему употребленію и безъ Мезенца вовсе исчезли бы вмѣстѣ съ рукописями Демества, растерянными и порванными въ силу ихъ древняго и безпрерывнаго употребленія по рукамъ: а между тѣмъ въ нихъ мы слышимъ теперь, чѣмъ восполнялся въ святые дни досугъ семейства—одинаково и крестьянскаго, и посадскаго, городского, боярскаго, самого княжескаго и царскаго. Высокое назиданіе нашимъ современникамъ: свѣтлое зеркало для искаженій, наполнившихъ Стихи нашего старообрядства пдробныхъ сектъ. Такъ Мезенецъ обнялъ въ своей дѣятельности и ту область Народную, которая соприкасалась съ пѣніемъ Церкви и Храма. Рукопись его — памятникъ такой же громадной важности для Стиховъ, какъ Слово о Полку Игоревѣ для остальнаго нашего пѣснотворчества Былеваго. Она обработана нами по тексту для общаго свѣдѣнія въ изданіи; Д. В. Разумовскій перевелъ ее со знаменъ на теперешнія ноты; кн. Одоевскій снабдилъ гармоническимъ сопровожденіемъ на основахъ древности: ждемъ тор-

жественнаго исполненія важнѣйшихъ Стиховъ ея, въ прибавленіе къ настоящему торжеству, двухсотлѣтнему празднику завершившагося круга Церковныхъ и Храмовыхъ Пѣснопѣній.

Что касается отдѣльно до *Времени Петровскаго*, то оно, въ исторіи нашего вопроса, характеризуется достаточно помпуптою дѣятельностью Тихона Макарьевскаго и его школы: сюда остается прибавить только развитіе *партитуры*, которая послѣдовательно и непремѣнно должна была выступить на сцену при поѣздахъ линейныхъ, при отвердившемся ихъ текстѣ и установленномъ способѣ пѣнія. Очень важно здѣсь было обстоятельство, что по прекращеніи Патріаршества и учрежденіи св. Синода, прежніе «Патріаршіе» пѣвчіе обратились въ «Синодальныхъ», но остались, вдали отъ новой столицы, по прежнему въ средоточіи Московскомъ и особенно, какъ «Соборные», при Соборѣ Успенскомъ, святинищѣ столь историческомъ и народномъ: съ тѣмъ вмѣстѣ, да и въ слѣдствіе перемѣщеніи Двора, а равно безпрестанныхъ переѣздовъ государя, отдѣлились, со своимъ особымъ характеромъ, пѣвчіе «Государевы» или «Придворные», родоначальники послѣдующей организаціи Капеллы. Мы не говоримъ пока о первыхъ; но напрасно лучшіе историки нашихъ Церковныхъ пѣснопѣній почти что исключаютъ отсюда вторыхъ: Михайль Снеговъ, Дьяковскій, а преимущественно Иванъ Михайловичъ Протопоповъ, вмѣстѣ со всеми трудами ихъ эпохи, входятъ не послѣднимъ звѣномъ въ нашу исторію. Пусть въ гармонизаціи ихъ оказывались естественныя несовершенства и ошибки, на примѣръ «запрещенныя квинты (verbotene Quinten, quintes défendues, воспроизведенныя однако кн. Одоевскимъ въ изд. 1869 г.):» они не шли дальше «переложеній;» діатоническая мелодія церковнаго гласа выдерживалась сама по себѣ среди партій, хотя бы сопровождалъ ее хроматизмъ или покушался заслонить верхній голосъ; своеобразная разнотактность оставалась безъ «улучшенія» и не влекли ее, по выраженію кн. Одоевскаго, сплюю на Прокрустово ложе условной симметричности ритма; «сочиненіе» велось, такъ молвить, обокъ и рядомъ, не отрываясь, ибо средоточіемъ и основною пребывали данныя историческія, пѣніе Богослужбное Храмовое, обработка Мезенца и Макарьевскаго. Государь до того интересовался симъ дѣломъ, что пѣвчіе при немъ продолжали, на при-

мѣръ, гармонизировать на пути «отъ Дербеня къ Астрахани.» Во слѣдъ за царственною сестрой своею, самъ Петръ Великій учился нотамъ линейнымъ и пѣлъ по нимъ «стоя на ряду съ пѣвцами:» примѣръ, повторявшійся послѣ на великихъ людяхъ Россіи до Румянцева, Потемкина, Суворова. Мало того: Петръ самъ исполнялъ обыкновенно *четвертую партію* въ пѣніи, и сохранились безцѣпныя рукописи, гдѣ на дорогомъ переплетѣ подписано, при 4-й партіи, что «по симъ нотамъ изволилъ пѣть государь царь Петръ Алексѣевичъ.» Не ужели этого не напомнить въ исполненіи при двухсотлѣтнемъ юбилеѣ его: не дѣло ли это благодарнаго воспоминанія Церкви? При всемъ томъ, есть еще особая нить, пропикающая сквозь всю нашу церковную пѣвческую исторію, завязанная особымъ узломъ, какъ бы на память потомкамъ, при Петрѣ, и отъ его времени снова простирающаяся въ томъ же значеніи до Елизаветинскихъ нотныхъ изданій, а отъ нихъ до современной нашей жизни. Изъ церковныхъ нашихъ стихиръ на «Господи воззвахъ,» по веѣмъ осьми гласамъ, преимущественно выдается та, которая заключаетъ ихъ при каждомъ гласѣ по запѣву «и нынѣ» предъ входомъ и «Свѣте Тихій:» посвященная Богородицѣ и тайнѣ Воплощенія, именуемая отъ того «Богородичнымъ,» а по своей сосредоточенности на догматѣ — называемая еще съ Греческаго «Догматикомъ,» она въ то же время, начиная съ отдаленнѣйшихъ вѣковъ нашего пѣнопѣнія, отличается въ каждомъ гласѣ преимущественнымъ творчествомъ, законченностью, силою и красотою, если можно сказать — изящною пѣвческою живописью, равною только величайшимъ произведеніямъ иконописанія и фресокъ. Богородиченъ служилъ всегда высшею задачею для пѣвцовъ, самымъ дѣйственнымъ вызовомъ духовнаго восторга для членовъ Церкви, для цѣлаго народа, чувству котораго всего ближе доселѣ. Тѣмъ самымъ, соблюдаемый свято, простирался онъ въ неизмѣнности до завершения пѣвческаго цикла въ XVII вѣкѣ и оттуда, чрезъ нотныя изданія, до современнаго живаго употребленія во храмѣ. Но преимущественную высоту занялъ Догматикъ 8-го гласа «Царь небесный,» а еще болѣе 1-го — «Всемирную славу.» Послѣдняя какъ-то сжилась со всею славою Россіи и усвоилась частіе славы воинскихъ подвиговъ: ее пѣло наше древнее войско, она слышалась въ полкахъ XVII вѣка, она со-

проводила духовныхъ воспитанниковъ при извѣстномъ ополченіи ихъ въ наши ранніе годы. То храбрость воинскую, то духовное дерзновеніе, то умилятельныя слезы попеременно и всегда вызывала она. Очень естественно, что изъ ряду другихъ Догматиковъ, именно этотъ спѣшили положить на линейныя ноты и партитуру въ Петровскую пору: памятникъ уцѣлѣлъ. Случай въ цѣпи событій, а лучше переть высшихъ судебъ примѣнилъ сей стихъ къ важнѣйшему явленію при Петрѣ, къ войнѣ Шведской: ознаменовалъ, знаменемъ церковнаго гласа, одинъ изъ знаменательнѣйшихъ подвиговъ храбрости, въ лицѣ одного изъ знаменитѣйшихъ сподвижниковъ Преобразователя. Для всѣхъ, полагаемъ, достаточно извѣстно, что князь Яковъ Оедоровичъ Долгорукій, доставшись въ плѣнъ къ Шведамъ, возымѣлъ съ соотарицами рѣшимость освободиться во время плаванія на суднѣ. По предварительному совѣщанію, во время вечерняго пѣнія, когда православныя плѣнники, по обычаю составляя общій хоръ на молитвѣ, достигли «Всемирной славы,» они при заключительныхъ словахъ, «Держайте убо, держайте людіе Божіе, яко Той побѣдитъ враги,» вмѣстѣ со словами устремилсь на враговъ и точно достигли всемирной славы подвигомъ своего спасенія: самъ государь, обнимая и цѣлуя освобожденнаго полководца, отвѣчалъ на его слезы собственными слезами радости и удивленія. Не этой ли «славою» встрѣтить и почтить въ самомъ началѣ славы торжествъ Петровыхъ, а «Всемирную славу» торжествующей Россіи воздать, какъ подобаеть, прежде всего Богу?

Начинанія Петровы, мы знаемъ, принесли очевидныя плоды свои только въ царствованіе его дочери, Елизаветы. Между прочими дѣяніями, текстъ Священныхъ книгъ, послѣ подготовительнаго исправленія при Петрѣ, дождался при ней отлечнаго совершенія въ печати: при ней же, ея покровительствомъ, пѣвческій кругъ Богослужебный, знаменный въ основѣ своей, явился впервые печатными линейными нотами въ книгахъ, издаваемыхъ отъ св. Снода. Дѣло по истинѣ великое: для Православія, для Русскихъ, Славянъ, передъ судомъ Церкви и даже предъ всякимъ просвѣщеннымъ взоромъ міра. Обстоятельства опасныя и трудныя, сопровождавшія это предпріятіе, сообщаютъ ему цѣну высокаго подвига, обрадованнаго счастливою побѣдою. Еще впереди было господство музыки иностранной, принесенной къ намъ

съ чужки и грозившей подавить нашу историческую самобытность: по уже близко ощущались первые притязательные шаги и захваты сего насилія. При самомъ возникновеніи вопроса, потянуло вѣяніе новой столицы, съ разсчетомъ искусства вовсе не древняго, не историческаго и не нашего. Отъ Московской Типографіи, наследовавшей все право на исполненіе сего дѣла, далеко было высшее духовное правительство: передъ нимъ, въ той же новой столицѣ, предстали ходатаи характера иного; придворный баснетъ Головня обезсмертилъ себя настойчивостью представленій. По планамъ его, и планамъ превозмогавшимъ, въ печать, въ Богослужебный кругъ потныхъ книгъ, а отсюда въ законъ и въ самую жизнь, имѣли проникнуть и водвориться всевозможные партесы и произвольнѣйшія гармонизаціи: что бы стало при этомъ съ будущностью, страшно подумать; мы сгибли бы для себя самихъ, для исторіи прошлой и грядущей. На поддержку съ подворья Московскихъ Владыкъ нельзя было надѣяться: оттуда, изъ хора, постепенно отдѣлывшагося отъ преданій патріаршихъ и обратившагося въ личную службу тѣхъ или другихъ воззрѣній, послысь знакомые намъ тѣ же звуки гармоніи и партеса изъ тетрадокъ, пенсѣанныхъ Псалмами и Кантами паравѣ съ Богослуженіемъ. Спасла связь съ Русью Древней, съ ея Православіемъ и пѣвческимъ завершеніемъ: отстояли лица — носители сего непрерывнаго преданія, хранители историческихъ памятниковъ, воззрѣній, искусства, науки. Не таковы, какъ у другихъ, были рукописи въ рукахъ иподіаконовъ и пѣвчихъ Синодальныхъ — Соборныхъ, Сергѣя Максимова, Ивана Никитина, Ивана Тимоѣева, Андрея Попова¹⁶⁾; не подобны были выписнымъ ученымъ Справщика Московской Типографіи Яковъ Основовъ и Аванасій Приклонскій; Тверской преосвященный Гавріилъ благословилъ дарами изъ сокровищъ древлеписанія; выпуждены были пособить и Троице пѣвчіе съ подворья митрополитчья: отстоялъ все дѣло ревностнѣйшій по Богу, Православію, искусству и наукѣ, надзиратель

¹⁶⁾ Эти рукописи и тетради, со всею наглядною исторіей нашего пѣснопѣнія, на сколько употреблялись въ соборной практикѣ и были ей свѣдомы, хранились долго въ Успенской „главѣ“ мы еще видѣли ихъ тамъ съ покойнымъ В. М. Ундольскимъ, но, послѣ переноса оттуда, уже не встрѣчаемъ ихъ въ выѣзжихъ мшигохранилищахъ.

Типографіи Степанъ Ивановичъ Бышковскій,—представленіями и ходатайствами, поѣздкамъ, силою убѣжденія, техническимъ знаніемъ и опытомъ, практикою искусства, научною разработкой исторіи своего дѣла, составленіемъ Нотной Азбуки и Граматки, изготовленіемъ пунсоновъ, матрицъ, литеръ и знаковъ, тискомъ и всѣмъ отчетливѣйшимъ изданіемъ. Не все вполнѣ, порою въ частномъ разнообразіи образцовъ, но только въ печатныя нотныя книги вошло по существу дѣло Мезенца: чрезъ него возсозданный циклъ нашей древности, а послѣ него примѣненный черезъ посредство работъ Макарьевского и послѣдовательно установленныя линейныя нотныя начертанія. Типъ, духъ, основной образъ, господствующій видъ сохраненъ и выдержанъ до послѣдней возможности: «Мы имѣемъ,» заключаетъ кн. Одоевскій о Синодальныхъ изданіяхъ ¹⁷⁾, «то, чѣмъ не можетъ похвалиться ни одинъ изъ Европейскихъ народовъ, — Священное Пѣснопѣніе въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ употребляли его наши предки, по крайней мѣрѣ за 700 лѣтъ.» «Обиходъ, Ирмологъ, Октоихъ и Праздники,» четыре главнѣйшихъ нотныхъ книги, обнимающихъ теченіе пѣснопѣнія храмоваго, начавшіяся 1770 года, кончилися печатаніемъ 1772-го года, въ мѣсяцахъ съ Марта по Іюль: столѣтіе ихъ священныйшаго дѣла совпадаетъ для насъ съ двухсотлѣтіемъ рожденія Петрова, вѣкъ Ломоносова повторяетъ собою вѣкъ его одноземца Мезенца. Нечего прибавлять здѣсь о знаменательности годовъ и знаменитости событій: они могутъ быть ознаменованы только особеннымъ торжествомъ Церкви. Всѣ же подробности нотнаго печатанія, какъ эпохи, собраны, изслѣдованы и предложены нами восемь лѣтъ тому назадъ, во время распоряженія дѣлами Типографіи, въ семь же «Православномъ Обзорѣнн» 1864 года, № № 5 и 6, въ статьѣ «Судьба нотныхъ пѣвческихъ книгъ ¹⁸⁾».

¹⁷⁾ „День.“ 1864.

¹⁸⁾ Мы приводимъ эти указанія и библиографическія сноски, для желающихъ обширнѣе ознакомиться съ вопросомъ по нашимъ прежнимъ статьямъ и изданіямъ, сверхъ сего краткаго и общедоступнаго очерка: тѣмъ болѣе считаемъ это нелишнимъ, что въ такихъ обстоятельныхъ трудахъ, какъ Дм. В. Разумовскаго, по его деликатнымъ отношеніямъ пріязни, насъ давно связующей, читатели не найдутъ ссылокъ на наши открытія или выводы о пѣвческихъ данныхъ и терминахъ, о происхожденіи нѣкоторыхъ явленій въ этомъ родѣ, о Демествѣ, о Судьбахъ нотнаго печатанія и т. п.

Когда благоволеніемъ Божиимъ и благословеніемъ Св. Синода, по счасткамъ Русскаго народа, — какъ говорилось въ древности, — благополучно завершилось такимъ образомъ и закрѣпилось печатью на вѣки величайшее дѣло нашихъ Церковно-Храмовыхъ Пѣснопѣній, — все наплывы на него, страхи и дѣйствительныя опасности, все уклоненія отъ него и права возможныхъ заблужденій устранились, ослабѣли; болынею частию рухнули или же отчасти совѣмъ исчезли съ лица земли Русской. — Такъ, опредѣленная партія — партитуры и гармонизаціи, давно вмѣстѣ съ сѣмъ зараженная приманкою музыки совѣмъ иной, къ намъ занесенной съ разными ея атрибутами, развиваясь преимущественно въ новой столицѣ, хотя и въ рознь съ направленіемъ трудовъ Петровскихъ, по естественной склонности своей скоро примкнула въ новое и рѣшительное подданство чуждой власти, когда, съ того же самаго періода Елизаветы и отчасти въ самой Москвѣ, могущественно усилилось вліяніе пріѣзжихъ музыкантовъ: не изъ Западной Руси и уже не чрезъ Польшу, а прямо изъ Европы Нѣмецкой, Французской, Итальянской. Болѣе или менѣе великіе композиторы и исполнители, насъ посѣтившіе, а иногда и водворившіеся на вліятельную службу, чтобы правительственно обучать насъ пѣнію, въ томъ числѣ и церковному съ народнымъ; такіа лица, начиная съ Цопписса, въ особенности какъ Раухахъ, Сальери, Галуппи, Чимароза, Сартти и т. д.; многочисленныя ученики ихъ, сами композиторы въ духовномъ родѣ, организованная Капелла въ связи съ придворною Оперой, а съ сею послѣднею вся наша оперная, камерная, романсовая музыка и театръ; масса духовныхъ сочиненій, особенно «концертовъ» и обязательныя для руководства издачія ихъ; превозможшее употребленіе музыки — въ смыслѣ музыкальныхъ орудій, инструментовъ; «Итальянскія ноты», со всемъ краснорѣчіемъ языка ихъ за достоинство внутренняго содержанія и въ противоположность антиквированнымъ съ тѣхъ поръ «нотамъ церковнымъ»; забвеніе своего прошлаго и незнаеніе дѣйствительныхъ основъ подлинной его музыки; отсутствіе всякой науки, серьезно въ эту сторону направленной; холодность къ интересамъ окружающимъ, отданнымъ яко бы въ специальное вѣдомство одного духовенства; умѣреніе опытовъ и мнѣній, сомнѣвающихся въ превосходствѣ такого положенія и

пытающихъ пути къ выходу отсель, и т. д.: вотъ главнѣйшіе, кажется, элементы, причины и послѣдствія, сложившіе особый свой музыкальный міръ, преимущественно съ половины прошлаго вѣка до недавняго пробужденія нашихъ дней. Въ характеристику довольно привести хоть самыя немногія и мелкія явленія: придворные пѣвчіе исполняли въ операхъ роли, распѣвая Итальянскія слова Русскими буквами; Сартини, въ присутствіи Потемкина, исполнялъ «Тебе Бога хвалимъ» съ акомпаниментомъ пушекъ и колокольнаго звона; сочинитель комическихъ оперъ, Галуппини писалъ у насъ духовныя концерты, и у него-то обучался знаменитый Бортинянскій; пѣзъ Гайднова «Творенія міра» составлена для насъ херувимская; «Тебе поемъ» основано на оперномъ пѣніи жреца въ «Весталкѣ»; вѣнчальные концерты взяты по мотивамъ у Моцарта; въ собственныхъ Русскихъ произведеніяхъ явился назначенныя для храма пѣснопѣнія съ заглавіемъ — «труба,» «веселаго распѣва,» «распѣва съ выходками,» «съ переговоркою,» и т. д. Это шагъ уже гораздо дальше, чѣмъ въ смутное время передъ Мезенцомъ и чѣмъ на Западной Руси со Стихами. Впрочемъ, и у насъ, «Стихи, сочиненныя по произволенію,» достигали также храма, и нѣкоторое время замѣняли собою даже «причастны (противъ чего издавался указы).» Хоры на подворьяхъ Владыкъ, преимущественно вышедшихъ изъ Руси Западной, всего скорѣе склонившись, на сторону сего чуждаго музыкальнаго міра, послужили по другую сторону посредствомъ для сближенія съ другимъ маленькимъ міромъ, выше у насъ описаннымъ и занесеннымъ отъ Польши черезъ Юго-Западъ, въ видѣ псалмъ, кантъ, и т. п. Съ двухъ концовъ эти оба явленія, однаково заносныя, сошлись въ результатѣ къ одному. Но, тѣмъ самымъ, что оба равно отвернулись отъ подлиннаго Церковнаго нашего Пѣснопѣнія, не имѣли съ нимъ ничего общаго и «сочиняли,» въ «свободной» своей области, «музыку на священныя слова,» — не больше того: тѣмъ самымъ они произнесли себѣ судъ и понесли его, очутились совершенно внѣ Церковно-пѣснопѣвческаго міра и его исторіи, стали внѣ его законовъ и вмѣстѣ съ сими внѣ всякаго, историческаго и положительнаго, закона. Они не идутъ въ составъ занимающей насъ исторіи, и, если соприкасались съ ней, а потому вызвали у насъ два-три слова, то вмѣстѣ съ симъ же должны быть окончательно забыты.

Для дѣйствительной и послѣдовательной исторіи Церковнаго Пѣнія нынѣ существуютъ собственно только послѣдствія печатныхъ нотныхъ изданій св. Синода. Послѣдствія же, между прочимъ, таковы.—Во первыхъ, сими изданіями, сто лѣтъ повторяющимися однообразно, далеко еще не исчерпана полнота того пѣвческаго міра, который въ циклѣ своемъ завершился при Мезенцѣ: есть, стало быть, впереди возможность изданій гораздо полнѣйшихъ и разнообразнѣйшихъ, при всей неизбежности основаній.—Во вторыхъ, при наследованіи нами сокровищъ памятниковъ древнихъ, вовсе почти не почать еще вопросъ о примѣненіи его къ нынѣшнему употребленію, согласно съ высшими воззрѣніями науки и открытіями современнаго искусства: еще не развиты тысячи сторонъ, здѣсь, какъ въ сѣмени, доселѣ непроизводительно остающихся, но готовыхъ обогатить искусство, если жизнь изъ сѣмени восприметъ при благоприятныхъ условіяхъ или будетъ вызвана лучемъ согрѣвающимъ. Въ нашемъ обществѣ и въ школахъ, за отсутствіемъ науки, устремленной къ сущности церковнаго пѣнія, даже самая внѣшняя и крайняя сторона обработки дремлетъ: мы не только еще не извѣдали правильной и законной гармонизаціи или партитурѣ, — а этого не мнѣвать же, — но даже не дѣлаемъ опытовъ послѣ подобныхъ слабыхъ опытовъ Петровскаго времени. Къ сожалѣнію, мѣшаетъ идти сею дорогой совершенное почти невѣдѣніе музыки народной: а безъ нея въ гармонизаціи и партитурѣ какъ разъ надѣлаемъ еще хуже, и поавни въ силки того «музыкальнаго міра», который уже достаточно проучилъ насъ своимъ бѣдственнымъ опытомъ. Но кто же препятствуетъ, рядомъ съ Церковнымъ, изучать, какъ должно, пѣніе Народное?—Въ третьихъ, въ самыхъ Синодскія изданія, при повтореніи въ нынѣшнемъ вѣкѣ, закрались опечатки, замѣченный и остановленный въ пору нашего участія по дѣламъ Типографскимъ: опечатки, происшедшія отъ того, что корректура, безъ контроля свѣдущихъ людей, отдавалась пѣвчимъ съ подворья, которые вообще неблагоклонны къ простотѣ церковной, но пхѣму невѣжественной! Эти обстоятельства вызываютъ пересмотръ прежнихъ и установку лучшихъ правилъ изданія, съ соотвѣтственными руководствами, которыхъ въ наличности почти нѣтъ. При томъ, практикуются ли всюду, какъ это должно быть по закону, Синодскія изданія, и на сколько уснѣшно

обученіе по нимъ, и какія мѣры оплодотворить сіе послѣднее, и что обѣщаютъ здѣсь новыя реформы въ духовенствѣ,—это также вопросы, дополнительные къ существованію изданій.—Въ четвертыхъ, *кроме* изданій, практика Церковныхъ Пѣснопѣній, какъ извѣстно, продолжается еще въ храмѣ и въ самой жизни безостановочно, подлежа собственнымъ историческимъ законамъ, и неписаннымъ преданіямъ, и вліяніямъ окружающей дѣйствительности: много еще тутъ древняго, подлиннаго, или самобытно творческаго, или благодѣтельно привнесеннаго, такъ что можно отсюда и поучиться еще, и занять для пополненія имѣющихся печатныхъ книгъ. Но еще, кажется, больше есть такого, что слѣдуетъ либо сохранить и поддержать, либо немедленно устранить и вывести: вывести и устранить нужно конечно чуждое и несвоейственное, а его легко узнать всегда сколько ни будь свѣдущему человѣку; въ числѣ же подлежащаго охраненію и поддержкѣ нельзя не вспомнить, что годъ за годомъ, даже на нашихъ глазахъ и для нашего слуха, вымираютъ естественной смертью причетники-старики, а съ тѣмъ вмѣстѣ оскудѣваютъ причетники имъ подобные, — такіе, какихъ мы еще застали, такіе, которые знаютъ отчетливо церковную ноту, или, еще важнѣе, знаютъ и практикуютъ въ дѣйствительности подлинное Церковное пѣніе, какъ приняли по преданію и учились съ голоса, чуткіе къ особенностямъ Православнаго Русскаго міра звуковъ. Объ этомъ не лишне подумать: для Церковныхъ Пѣснопѣній, древнихъ ли воспроизводимыхъ, но Синодскимъ ли изданіямъ, по слуху ли жизни, не годятся дѣятели съ испорченнымъ ухомъ и искаженнымъ слухомъ, предвзятые постороннимъ наптіемъ, хотя бы они выходили изъ самыхъ блестящихъ пѣвческихъ хоровъ и даже состояли тамъ регентами. Съ сими послѣдними, убѣжденъ всякой свѣдущій, ничего уже не исполнить подлиннаго, даже нельзя дать простаго концерта истиннаго пѣнія, именно концерта «простаго.» Единственная остающаяся основа, этотъ, пожалуй, кадръ и контингентъ — причетники въ родѣ описанныхъ нами выше: а безъ нихъ, самыя хоры на клиросѣ храмовомъ, хотя бы «учрежденные,» тѣмъ паче «вольные» и даже «изъ прихожанъ,» не приведутъ никогда къ желанному результату.

Вотъ нѣсколько настоятельныхъ, животрепещущихъ вопросовъ, какъ естественныхъ «послѣдствій» нотнаго изданія. И

намъ очень отрадно видѣть, что положеніе дѣлъ, очерченное нами въ самомъ началѣ статьи, по лицамъ дѣйствующимъ, собраннымъ силамъ, начатымъ предпріятіямъ и общему сочувствію въ образованіи духовенствѣ, равно какъ во всѣхъ членахъ церкви и въ окружающемъ обществѣ, таково, что питаетъ самыя лучшія надежды на будущее. Мы не погрѣшимъ, кажется, ни противъ истины, ни скромности, если въ нашихъ современникахъ, старшихъ и паличыхъ, усмотримъ—до извѣстной степени—въ одномъ, какъ въ Одоевскомъ, Шайдуровѣ, въ другомъ—Разумовскомъ—Мезѣцѣ, въ третьемъ—Потуловѣ—Макарьевскаго. Намъ только нужно бы еще—Бышковскаго, съ низу настоятельность, съ верху покровительство Павла и тому подобное благоволеніе.

Практическое же примѣненіе для нашихъ дней, по видимому таково: намъ благовременно, Церкви потребно, по силамъ и средствамъ возможно—торжествовать вскорѣ двухсотлѣтіе и столѣтіе, связующія многовѣковой міръ Церковныхъ Писемъ и Писемъ съ нашею минутою звѣньями знаменательныхъ событій и знаменитыхъ дѣятелей.

Невольно переносимся мыслію и чувствомъ въ тѣ торжественныя часы и дни:

Когда праздникъ Петра Великаго начался бы Церковью, въ слухъ собравшихся со всего міра, особенно міра Славянскаго и Православнаго,—начался бы «Всемірною славой» громаднымъ хоромъ исполнителей, на открытомъ воздухѣ,—и обнажили бы тысячи присутствующихъ свою голову во вниманіи ко глазу Церкви и въ молитвѣ.

Когда бы, въ промежуткѣ другихъ мірскихъ празднествъ, вошли бы тѣ, кто присутствовалъ при священномъ началѣ и душою настроился къ торжеству не одному мірскому,—вошли бы во храмъ, наипаче въ соборъ, чтобы услышать тамъ «вѣчную память» Иоанну, Пимѣ, Александру и Тихону, Стефану; митрополиту Павлу, патриархамъ Іоасафу и Никонѣ.

Когда бы въ храмовыхъ молебствіяхъ исполнены были, произведенныя помянутыми ревнителями, подлинныя Писемъ и Писемъ нашей древности,—тѣ, на кой положили они столько благоговѣнія, чувства и мысли, свѣдѣній и искусства.

Когда бы, образцемъ сей плодотворной дѣятельности, неизмѣнно отзывающейся и въ ветхой рукописи, и въ Синодскомъ изданіи, и въ живомъ устномъ употребленіи, предложены были собранію желающихъ слушателей, въ стѣнахъ обширнаго помѣщенія внѣ храма, — Церковныя творенія, знаменованныя знаменемъ особыхъ отечественныхъ событій или печатью высокаго личнаго дарованія, принесеннаго въ службу Церкви; первое мѣсто принадлежало бы здѣсь тому, что нѣлось нѣкогда устами самого Петра Перваго.

Когда бы въ собраніяхъ сего рода, повторенныхъ до трехъ или четырехъ разъ, исполненъ былъ послѣдовательный рядъ такихъ нѣснонѣй, — какъ Богородичны осьми гласовъ, какъ лучшія нѣвческія произведенія, принятыя благодарнымъ потомствомъ изъ рукъ Шайдурова, Мезенца, Макарьевского или въ печати отъ св. Синода и вѣрнаго служителя его Бышковскаго.

Когда бы, въ объясненіе ихъ и пополненіе, тою же печатью древней жизни и даровитой дѣятельности отмѣченные, услышали мы здѣсь духовные Стихи, — какъ Стихи Евангельскіе, или Покаянныя, или какъ Стихъ Воинской, Застольный, Семейный.

Когда бы рядомъ получили мы возможность сличить нашимъ вниманіемъ и слухомъ соотвѣтствующій духовный Стихъ Общественный, уцѣлѣвшій въ устахъ народа.

Когда бы отрадная память обо всѣхъ этихъ незабвенныхъ дняхъ и часахъ осталась потомству особымъ печатнымъ сборникомъ древнихъ памятниковъ, исполненныхъ среди новой жизни, ее собою наполнившихъ и въ свою очередь ожившихъ.

То не была бы одна уже Выставка, не одно ликованіе и наслажденіе, или наука, искусство и техника: здѣсь была бы на праздникъ Петра Великаго — Церковь, и своимъ праздникомъ общила бы всему свой, Ей только присный, священный характеръ.

Но — мы можемъ только изслѣдовать, соображать поводы и снособы, предлагать силы и хотя бы самое исполненіе, думать и надѣяться: разрѣшенія нашимъ вопросамъ и благословенія ожидаемъ отъ Духовенства. Къ нему вмѣстѣ съ симъ и обращаемся.

П. Безсоновъ.

1872, февраля 12.

